

84(3)

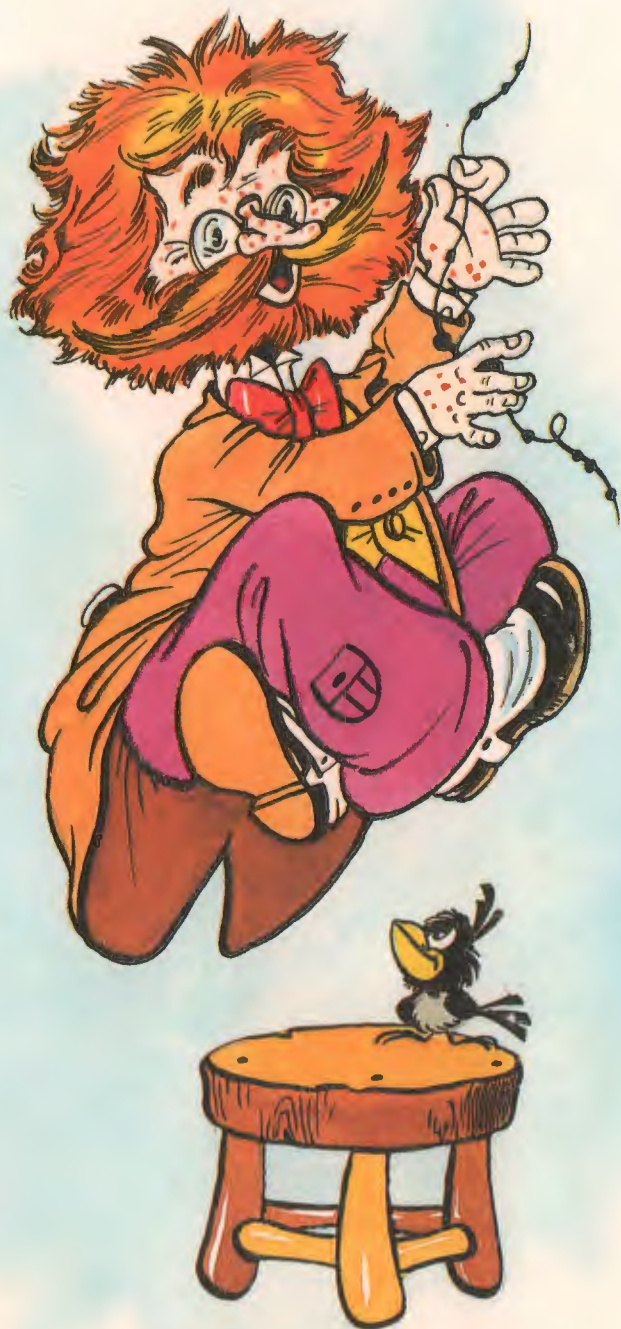
Б 58

БЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Дядя Ёжикова

Академия наша Злаяксы

Дне Тәжәхба

Академия пана Кляксы

Художник А. Шахтеддян

Перевод с польского
М. Ландмана

ISBN 5-89537-039-X

© Перевод М. Ландман, 1997
© Илл. А. Шахгелдян, 1997
© Издательство «Стрекоза», 1997

Эта и другие сказки

Меня зовут Адам Несогласка. Мне двенадцать лет, и вот уже полгода, как я учусь в академии пана Кляксы. Покуда я жил дома, у меня вечно что-нибудь не ладилось. Я опаздывал в школу, не успевал приготовить уроки, и за что бы я ни взялся, все у меня валялось из рук. Стоило мне дотронуться до стакана или блюда, как они разлетались вдребезги. Я терпеть не мог морковного супа, а дома, как назло, каждый день меня заставляли есть морковный суп, потому что он полезен для здоровья. Словом, когда в довершение всех бед я облил чер-

нилами скатерть, мамин новый костюм и свои штаны, родители решили отдать меня на воспитание пану Кляксе.

Академия находится в самом конце Шоколадной улицы, в большом четырехэтажном доме из разноцветного кирпича. На четвертом этаже пан Клякса хранит свои самые сокровенные тайны. Входить туда никому не разрешается, но, если бы даже кому-нибудь и взбрело в голову туда забраться, он бы не смог, потому что лестница ведет только до третьего этажа. И пану Кляксе самому приходится лазить туда через трубу.

На первом этаже размещены классы, где идут уроки, на втором находятся спальня и столовая, и, наконец, на третьем, в одной комнате, живут пан Клякса и Матеуш. Остальные комнаты закрыты на ключ.

Пан Клякса принимает в академию только мальчиков с именами на букву «А», чтобы не засорять себе голову всеми буквами алфавита. Поэтому в академии учатся четыре Адама, пять Александров, три Анджея, три Альфреда, шесть Антониев, один Артур, один Альберт и один Анастаси, итого двадцать четыре ученика. Пана Кляксу зовут Амброжи, так что во всей академии только Матеуш — не на «А». Но Матеуш не в счет. Это не ученик, а ученый скворец пана Кляксы. Матеуш умеет прекрасно говорить, но в каждом слове произносит почему-то лишь окончание. Вот, например, как он отвечает по телефону: «Демия ана Яксы ушает!» Это значит: «Академия пана Кляксы слушает!»

Ну где тут постороннему человеку что-нибудь понять! Зато пан Клякса и его ученики отлично понимают Матеуша. Матеуш готовит с нами уроки

и часто замещает пана Кляксу в школе, когда тот отправляется на охоту за бабочками.

Да, я чуть не забыл сказать, что наша академия стоит посреди огромного парка, пересеченного оврагами, ямами, канавами, и огорожена высокой каменной стеной. Выходить за ограду без пана Кляксы нам запрещено. Ведь это не обычная ограда. Правда, той стороной, что выходит на улицу, она ничем не отличается от других оград, такая же ровная, гладкая, только с большими застекленными воротами посредине. Но зато с других трех сторон в стене множество железных дверей, расположенных одна возле другой и закрытых на маленькие серебряные замки.

Эти дверцы ведут в соседние сказки, с которыми пан Клякса в большой дружбе. На каждой дверце — табличка с названием сказки. Тут сказки Андерсена и братьев Гримм, сказка о Щелкунчике, о Рыбаке и Рыбке, о Белоснежке и Семи гномах, о Гусях-лебедях и много-много других.

Никому еще не удавалось сосчитать, сколько в стене дверей. Начнешь считать — и тут же собьешься, опять начнешь — и опять запутаешься, потому что там, где первый раз выходило двенадцать, в другой раз получается двадцать восемь, а там, где вы только что насчитали девять, оказывается то тридцать одна, то шесть, то еще сколько-нибудь. Даже Матеуш не знает, сколько всего дверей, и говорит: «Жет, о, жет, ести». Это значит: «Может, сто, может, двести».

Ключи от дверей пан Клякса хранит в большой серебряной шкатулке и всегда помнит, какой из ключей от какого замка. Часто он посылает нас в какую-нибудь сказку за покупками. Больше всего везет мне, потому что я рыжий и сразу бросаюсь в

глаза. Как-то раз у пана Кляксы кончились спички, он подозвал меня, дал мне маленький золотой ключик на золотом колечке и сказал:

— Адашь, сбегай в сказку Андерсена про Девочку со Спичками и попроси для меня коробок спичек.

Вне себя от радости я помчался в парк и уж не знаю, каким чудом оказался у нужной мне дверцы. Через секунду я был по ту сторону ограды. Глазам моим предстала многолюдная улица незнакомого города. Шел снег, хотя у нас в это время было лето. Прохожие поеживались от холода, а мне было тепло, и ни одна снежинка на меня не упала. Я очень удивился.

Заметив это, ко мне подошел высокий седой человек, погладил меня по голове и сказал:

— Здравствуй, мальчик! Я Андерсен! Чему ты удивляешься? Тому, что здесь снег и мороз, в то время как у вас июнь и поспевают черешни? Да? Но ведь ты совсем из другой сказки. Как ты сюда попал?

— Я пришел за спичками. Меня послал пан Клякса.

— Так ты от пана Кляксы! — радостно воскликнул Андерсен. — Я очень люблю этого чудака. Сейчас получишь спички.

Он хлопнул в ладоши, и тут же из-за угла показалась маленькая продрогшая девочка со спичками. Андерсен взял у нее один коробок и подал мне:

— На, отнеси пану Кляксе. Не горюй, не плачь о бедной девочке. Это ведь только сказка. Все здесь неправда. Все выдуманно.

Девочка улыбнулась мне и помахала на прощанье рукой, а Андерсен проводил меня до дверцы.

Когда я рассказал ребятам о моем приключении, они больше всего позавидовали моему знакомству с Андерсеном.

Потом мне часто доводилось ходить и в другие сказки со всякими поручениями: то за сапогами — в сказку про Кота в сапогах, то за самим Котом, когда в кладовой пана Кляксы завелись мыши. А однажды, когда нечем было подмести двор, я даже ходил за метлой к ведьме из сказки про Лысую Гору.

А в один прекрасный день случилось вот что. К нам в академию явился незнакомец в широком бархатном кафтане, коротких бархатных штанах и шляпе с пером. Незнакомец велел проводить его к пану Кляксе. Нас заинтересовало, кто он и зачем пришел. Пан Клякса долго с ним о чем-то шептался, угощал его таблетками для ращения волос, которые сам всегда принимал. Потом, подозревая меня и одного из Анджеев, промолвил:

— Слушайте, мальчики, этот человек пришел из сказки о Спящей царевне и Семи богатырях. Вчера два богатыря ушли в лес и не вернулись. Сами понимаете, что так сказка окончиться не может. Поэтому я уступаю вас этому человеку на два часа. Только не опаздывайте к ужину.

— Жин есть сов! — крикнул Матеуш.

Это значило: «Ужин в шесть часов».

Мы ушли с человеком в бархатной одежде. Разговорившись с ним по дороге, мы узнали, что он брат царевны и что нас оденут в такой же бархатный наряд. Мы с радостью согласились, и к тому же нам хотелось взглянуть на Спящую царевну. Я не буду пересказывать содержание сказки, ее, наверно, все знают. Расскажу, что было потом. За участие в сказке Спящая царевна, проснувшись, пригласила нас с Анджеем на полдник. Вряд ли вы

знаете, какой полдник у царевен, тем более сказочных. Сначала лакеи принесли на подносах пирожные с кремом, потом отдельно крем в больших серебряных чашах. Каждый получил сколько хотел. К пирожным был подан шоколад, по три стакана сразу, и в каждом стакане поверху плавали маленькие шоколадинки. На столе стояло множество тарелок с марципанами, мармеладом, конфетами и цукатами. А под конец появились хрустальные вазы с виноградом, персиками, мандаринами, клубникой и мороженое в шоколадных стаканчиках.

Царевна улыбалась, уговаривала есть как можно больше, уверяла, что нам это ничуть не повредит. Ведь, насколько известно, в сказках еще никто не страдал, наевшись до отвала, — там все не так, как на самом деле. Я сунул в карман несколько порций мороженого, но оно растаяло и потекло у меня по ногам. К счастью, никто этого не заметил.

После полдника царевна приказала запрячь в маленькую карету двух пони и довезла нас до самой академии.

— Кланяйтесь от меня пану Кляксе, — сказала она на прощанье, — скажите, что я приглашаю его на бабочек в шоколаде. — Потом добавила: — Я столько слышала про сказки пана Кляксы, что когда-нибудь непременно его навещу.

Так я узнал, что у пана Кляксы есть свои сказки, но услышал их гораздо позже.

С этого дня я стал еще больше уважать пана Кляксу и решил подружиться с Матеушем, чтобы у него про все выведать.

Матеуш не слишком разговорчив. Бывают дни, когда он вовсе ни с кем не разговаривает.

Против его упрямства у пана Кляксы имеется особое лекарство — веснушки.

Не помню, говорил ли я о том, что лицо пана Кляксы сплошь усеяно веснушками. Сперва меня удивляло, отчего это веснушки каждый день меняют место: то украшают нос пана Кляксы, то переходят на лоб, то вдруг появляются на подбородке или на шее.

Оказалось, всему причиной ужасная рассеянность пана Кляксы. На ночь он обычно снимает веснушки и кладет их в золотую табакерку, а утром по рассеянности надевает не на свое место. Табакерку пан Клякса всегда носит с собой, там у него хранятся запасные веснушки разного цвета и размера.

По четвергам из города приходит парикмахер Филипп и приносит новую партию веснушек. Филипп снимает их во время работы со своих клиентов. Пан Клякса долго разглядывает веснушки, примеряет перед зеркалом, потом прячет в табакерку.

По воскресеньям и в праздники ровно в одиннадцать часов пан Клякса сообщает:

— Пора обновить веснушки.

Он достает из табакерки четыре-пять самых больших и красивых веснушек и прилепляет себе на нос.

По мнению пана Кляксы, нет ничего лучше на свете, чем большие желтые или красные веснушки.

«Веснушки благотворно влияют на умственные способности и предохраняют от насморка», — часто говорил он.

Поэтому, когда кто-нибудь из нас отличится на уроке, пан Клякса торжественно достает из табакерки свежую, не бывшую еще в употреблении веснушку и налепляет на нос счастливцу со словами:

«Носи ее с честью, мой мальчик, никогда не снимай. Это величайшая награда, какую ты можешь получить в моей академии».

Один из Александров награжден уже тремя веснушками, а остальные ребята тоже — кто двумя, кто одной. Они носят их на лице с большой гордостью. Я им очень завидую и готов на все, чтобы заслужить такую награду, но пан Клякса говорит, что у меня еще слишком мало знаний.

Так вот, возвращаясь к Матеушу, я должен сказать, что для него веснушки — лучшее лакомство. Он их клюет, как семечки.

Поэтому, как только Матеуш перестает говорить, пан Клякса снимает с лица самую поношенную веснушку и отдает Матеушу. У Матеуша сразу развязывается язык, и ему можно задавать любые вопросы.

Однажды летом пан Клякса уснул в саду, и на него налетели комары. Пан Клякса во сне стал неистово чесаться и содрал с носа все веснушки. Я потихоньку их подобрал и отнес Матеушу. С тех пор мы подружились, и он рассказал мне необыкновенную историю своей жизни.

Передаю ее вам целиком, ничего не утаивая, добавляю только в словах Матеуша недостающие буквы.

История Матеуша

Я не птица, я принц. Когда я был маленький, мне часто рассказывали сказки о том, как люди превращаются в зверей и птиц, но я этому никогда не верил.

Но со мною самим приключилась такая же история.

Я родился в королевской семье и был единственным сыном и наследником могущественного монарха. Стены моих покоев были из мрамора и золота, а полы устланы персидскими коврами. Услужливые министры и придворные исполняли любой мой каприз. Каждая слеза, когда я плакал, была на счету, каждая улыбка занесена в специальную книгу королевских улыбок, а теперь — теперь я скворец, который чувствует себя среди птиц таким же чужим, как среди людей!

Моего отца называли великим королем. Несметные сокровища, дворцы, золотые короны, жезлы, драгоценные камни, богатство, какое во сне не приснится, — все это принадлежало ему.

Моя мать была тоже из королевского рода и славила красотою не только у нас, но и далеко за морем. У меня было четыре сестры, и все они вышли замуж за королей: одна за испанского, другая за итальянского, третья за португальского, четвертая за голландского.

Королевские суда плавали в четырех морях, а войско было таким огромным и могучим, что у нас совсем не было врагов, и все соседние короли искали с нами дружбы.

Я с малых лет пристрастился к охоте и верховой езде. В моей собственной конюшне насчитывалось сто двадцать лошадей арабской и английской породы, а также сорок восемь мустангов.

В моей оружейной были собраны охотничьи ружья, сделанные лучшими оружейниками по мерке, для меня.

Когда мне исполнилось семь лет, отец поручил мое воспитание двенадцати самым знаменитым ученым и велел им научить меня всему, что они сами знают и умеют.

Я учился хорошо, но страсть к верховой езде и охоте настолько увлекла меня, что ни о чем другом я не мог думать.

Вдруг отец запретил мне ездить верхом.

Я плакал горькими слезами, а четыре фрейлины старательно собирали мои слезы в хрустальный флакон. Когда флакон наполнился, в стране объявили всенародный траур, по нашему обычаю, на целых три дня. Весь двор оделся в черное. Приемы, балы и вечера были запрещены. Флаг на дворцовой площади был приспущен, и вся армия в знак скорби сняла шпоры.

Тоскуя по лошадям, я лишился аппетита, перестал учиться и целыми днями сидел неподвижно на маленьком троне, ни с кем не разговаривая.

Но отец не привык отменять свои решения.

Он сказал:

— Моя отцовская и королевская воля неколебима. Здоровье наследника престола для меня важнее, чем каприз моего сына. Сердце мое обливается кровью при виде его горя, но все будет так, как мне посоветовали придворные медики. Принц не сядет на коня, пока ему не исполнится четырнадцать лет.

Не понимаю, отчего придворные медики не хотели, чтобы я ездил верхом. Всем было известно, что я лучший наездник в стране, и народ поговаривал, что я правлю конем не хуже, чем отец королевством.

Ночами мне снились мои татарские скакуны, мои любимые лошади. Иногда я звал какую-нибудь из них — я помнил их всех по именам.

Как-то раз я проснулся среди ночи от тихого ржания. Я вскочил с постели и выглянул в сад. Там на садовой дорожке стоял мой лучший конь Али-Баба, который, наверно, явился на мой зов. Он был

оседлан. Увидев меня, он радостно заржал и подошел к самому окну. Я наскоро оделся впотьмах, схватил со стены ружье и бесшумно прыгнул прямо в седло. Конь рванулся с места, перемахнул через несколько заборов и поскакал куда глаза глядят. Мы мчались, и месяц освещал нам путь. Убедившись, что за мною нет погони, я немного сдержал бег коня и направил его к видневшемуся не вдалеке лесу.

Эта скачка привела меня в такой восторг, что я совершенно забыл о запрете отца и о том, что в лесу небезопасно.

В то время мне было восемь лет, но в храбрости я не уступал пяти королевским гренадерам, вместе взятым.

Как только я въехал в лес, мой конь стал проявлять непонятную тревогу: замедлил шаг и вдруг стал как вкопанный, дрожа и фыркая.

Дорогу мне преградил огромный волк. Он злое ще скалился, и на морде его застыла пена.

Я натянул поводья и выхватил ружье. Волк, разинув пасть, медленно приближался ко мне.

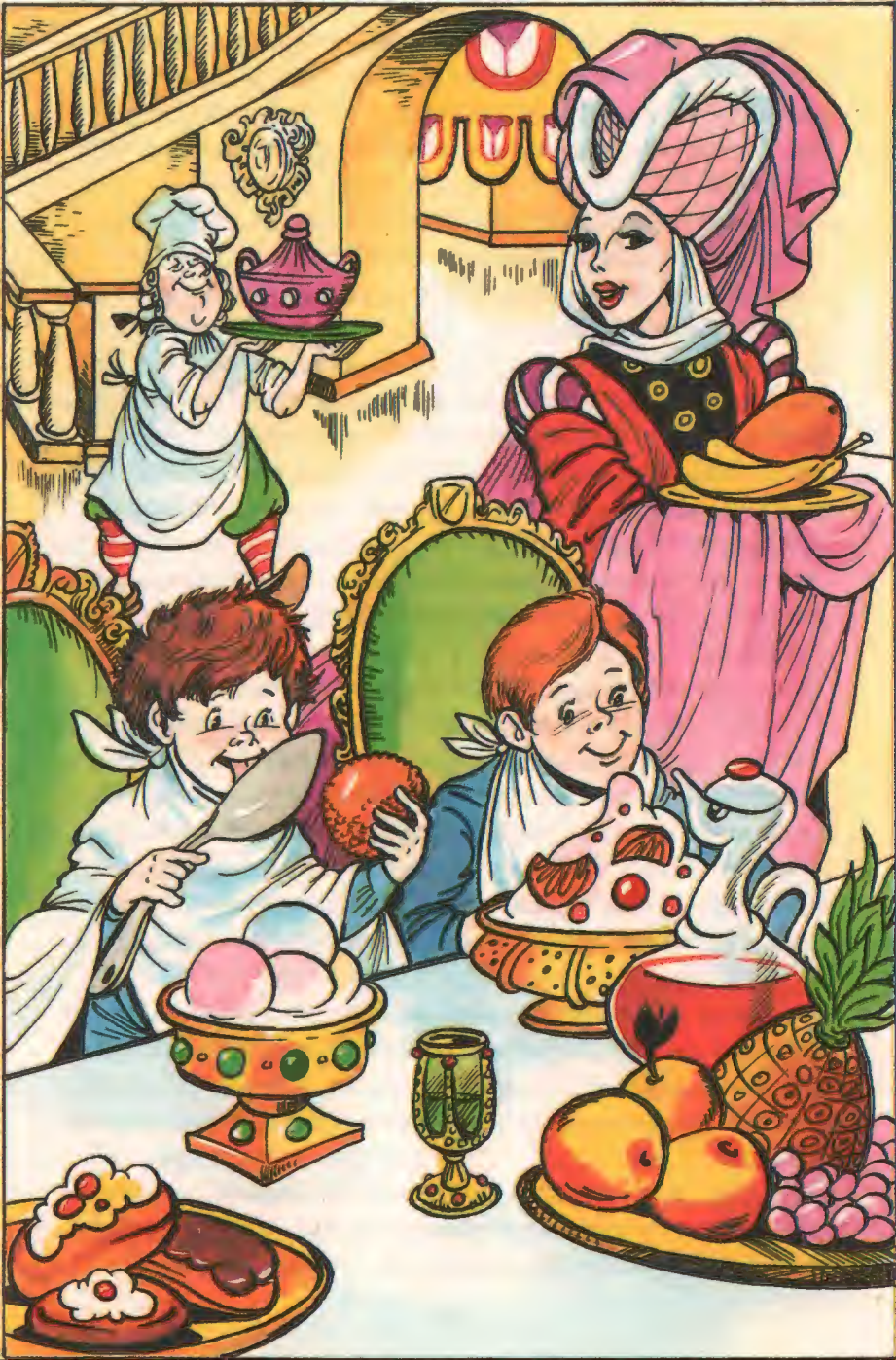
Тогда я крикнул:

— Именем короля приказываю тебе, волк, уступить мне дорогу, а не то я тебя застрелю!

Волк захохотал человеческим голосом и стал подходить все ближе.

Я взвел курок, прицелился и влепил весь заряд прямо ему в пасть.

Выстрел был точен. Волк съежился, словно готовясь к прыжку, но тут же растянулся у ног Али-Бабы. Я соскочил с лошади и подошел к убитому зверю. Но, как только я остановился, разглядывая его большую красивую голову, волк, собрав последние силы, приподнялся и вонзил свой острый, как

кинжал, клык мне в бедро. Дикая боль пронизала мое тело. Но челюсти волка тут же разжались, и голова его тяжело упала на землю.

Тотчас со всех сторон донесся угрожающий волчий вой.

Теряя сознание от страха и боли, я взобрался в седло и поскакал обратно во дворец. Когда я въезжал в сад, было еще совсем темно. Я пробрался через окно в комнату, отпустив коня восвояси. Моего отсутствия никто не заметил. Я быстро разделся, лег и тут же заснул как убитый. Проснувшись утром, я увидел шестерых медиков и двенадцать мудрецов. Стоя надо мной, они озабоченно покачивали головами. Из раненого бедра медленно сочилась кровь. Медики никак не могли понять причину кровотечения, а я, боясь разгневать отца, ничего не сказал о моей ночной прогулке и встрече с волком.

Время шло, кровь из раны продолжала течь, а придворные лекари никак не могли ее остановить. Были приглашены лучшие хирурги столицы, но их усилия тоже ни к чему не привели.

Кровотечение усиливалось с каждой минутой. Весть о моей болезни разнеслась по всей стране. Толпы людей стояли коленопреклоненные на улицах и площадях столицы, молясь о моем выздоровлении.

Мать, заливаясь слезами, не отходила от моей постели, а отец обратился во все страны с просьбой прислать лучших врачей.

Вскоре их набралось столько, что во дворце не хватало комнат.

Тому, кто меня вылечит, отец обещал награду, равную цене целого королевства, но иноземные лекари торговались и требовали еще больше.

Бесконечным потоком проходили они около моей постели, осматривали и выслушивали меня; одни давали мне капли и таблетки, другие смазывали рану мазью или посыпали ее какими-то ароматными порошками. Были и такие, которые только молились или произносили таинственные заклинания. Но никто из них не мог меня вылечить. Кровотечение не прекращалось — я угасал на глазах.

Когда близкие и родные потеряли надежду на мое выздоровление, а врачи покинули дворец, видя свое бессилие, стража сообщила о прибытии старого мудреца, которого пригласил мой отец.

Неохотно привели его к моей постели, потому что никто уже не верил в мое спасение, и все королевство погрузилось в глубокую скорбь. Вновь прибывший оказался врачом последнего китайского императора и назвал себя доктором Пай Хи-во.

Отец обратился к нему с рыданием в голосе:

— Доктор Пай Хи-во, спаси моего сына! Если ты исцелишь его, ты получишь столько бриллиантов, изумрудов и рубинов, сколько уместится в этой комнате. Я прикажу поставить тебе памятник на Дворцовой площади, а если захочешь, сделаю тебя моим первым министром.

— Августейший мой господин и справедливый государь, — отвечал доктор Пай Хи-во, поклонившись до земли, — побереги драгоценности для бедняков. Я недостоин памятника — в моей стране памятники ставят только поэтам. И не хочу быть министром, чтобы не навлечь на себя твой гнев. Позволь мне сначала осмотреть больного, а о награде поговорим потом.

Он подошел ко мне, мельком взглянул на рану, принял к ней губами и застыл.

Я сразу почувствовал приток свежих сил. Мне

показалось, что кровь переменялась во мне и побежала быстрее по жилам.

Когда через некоторое время доктор Пай Хи-во от меня отстранился, рана исчезла без следа.

— Принц здоров и может встать с постели, — сказал мне ученый, отвешивая, по восточному обычаю, низкий поклон.

Мои родители плакали от радости и горячо благодарили моего избавителя.

— Если это не нарушит этикета вашего двора, — сказал доктор Пай Хи-во, — мне бы хотелось поговорить с моим высокородным пациентом наедине.

Король изъявил свое согласие, и все покинули спальню. Тогда лекарь присел на край моей постели и сказал:

— Я спас тебя, мой маленький принц, потому что знаю тайны, недоступные другим людям. Мне известна причина твоей раны. Ты убил короля волков. Волки жестоко отомстят тебе за это. Впервые король волков пал от руки человека. Отныне ты в большой опасности. Я дам тебе волшебную шапку богдыханов, которую вручил мне перед смертью последний китайский император, с тем чтобы я передал ее в достойные руки.

Доктор Пай Хи-во вынул из кармана шелковых шаровар маленькую круглую шапку черного сукна с большой пуговицей на макушке и продолжал:

— Возьми ее, мой маленький принц, никогда с ней не расставайся и береги как зеницу ока. Если тебе будет грозить опасность, надень эту шапку, и ты сможешь превратиться в кого захочешь. А когда опасность минет, дерни за пуговицу, и ты вернешь свой прежний вид.

Я поблагодарил доктора Пай Хи-во за его доброту, а он поцеловал мне руку и вышел из комнаты.

Никто не видел, как он покинул дворец. Он исчез бесследно, ни с кем не попрощавшись и не потребовав награды.

И все же из благодарности к доктору Пай Хи-во мой отец велел устроить большой праздник для бедняков и раздать им двенадцать мешков бриллиантов, изумрудов и рубинов.

Выздоровев, я снова принялся за учение и совершенно охладел к охоте и верховой езде.

Мысль о том, что я убил короля волков, все время мучила меня. Годы шли, а страшная волчья пасть, его сверкающие глаза оставались в моей памяти.

Помнил я также наказ доктора Пай Хи-во и никогда не расставался с волшебной шапкой богдыханов.

Внезапно в королевстве стало твориться что-то неладное. Со всех сторон приходили вести о том, что огромные волчьи стаи нападают на села и города, уничтожая все живое. Все посевы были вытоптаны полчищами волков, продвигавшимися на север.

На дорогах белели человеческие кости.

Обнаглевшие звери среди бела дня врывались в города и деревни и мгновенно опустошали их.

Люди рассыпали в лесах отраву, ставили капканы, выкапывали волчьи ямы, истребляли волков сталью и железом, но их набегі не прекращались. Покинутые дома служили им убежищем. В это тревожное время матери не находили детей, мужа — жен. Рев и визг гибнущего скота не прекращался ни на минуту.

Для борьбы с волками были посланы большие, хорошо вооруженные отряды воинов. Они преследовали хищников днем и ночью, но волков стано-

вилось все больше и больше, и вскоре они стали угрожать всему королевству.

Наступил голод. Народ обвинял министров и двор в бездейственности и предательстве. Недовольство в стране росло. Волки, врываясь в дома, выволакивали оттуда умирающих от голода людей.

Король то и дело сменял министров, но никто не мог помочь несчастью.

И вот однажды волки подступили к столице. Никакая сила не могла их остановить. Ранним ноябрьским утром они ворвались во дворец. Мне было тогда четырнадцать лет, но я был храбр и силен. Я схватил ружье и стал у дверей тронного зала, где находились мои родители.

— Прочь отсюда! — закричал я грозно.

Я готов был выстрелить, как вдруг один из стражников, неподвижно стоявших у входа в тронный зал, схватил меня за руку и, приблизив ко мне лицо, прорычал:

— Именем короля волков приказываю тебе, собака, уступить им дорогу, не то убью!

Ужас охватил меня. Ружье выпало у меня из рук. Я почувствовал страшную слабость, в глазах помутилось — передо мной была красная пасть короля волков.

Что произошло потом, не знаю. Когда я пришел в себя, родителей моих уже не было в живых, волки разбойничали во дворце, а я с пробитой головой лежал на полу под грудой обломков. Я пытался звать на помощь, но мой язык произносил только окончания слов. Это у меня осталось на всю жизнь.

Придя в себя, я понял, что, не завали меня обломками, вряд ли я остался бы цел.

«Что делать? — мучительно думал я. — Как выб-

ратся из этого ада? О боже, боже! Если бы можно было стать птицей и улететь куда-нибудь!»

И тут я вспомнил про волшебную шапку доктора Пай Хи-во. Не потерял ли я ее? Я сунул руку в карман. Здесь! Я уже собирался ее надеть, как вдруг заметил, что на ней нет пуговицы. О ужас! Я мог превратиться в птицу, улететь из дворца, покинуть эту несчастную страну, но потом на всю жизнь остаться птицей без всякой надежды когда-нибудь вернуть свой прежний облик.

Вдруг я услышал зловещее рычание. Из-за обломков показалась огромная волчья пасть.

Медлить было нельзя. Я надел шапку и произнес: — Хочу стать птицей!

И тут же я уменьшился, мои руки превратились в крылья. Я стал скворцом, каким ты меня видишь.

Я мигом выскочил из-под обломков, вспорхнул на спинку какого-то кресла и вылетел в окно. Я был на свободе!

Долго летал я над моей родиной. Отовсюду до меня доносился только крик убиваемых людей да вой голодных волков.

Села и города опустели. Королевство моего отца перестало существовать и превратилось в груды развалин.

Месть короля волков была ужасна.

Летая над землей, я оплакивал гибель моих родителей и бедствие, постигшее мою страну. Потом, немного успокоившись, стал думать о потерянной пуговице.

С тех пор, как доктор Пай Хи-во отдал мне шапку, прошло шесть лет. За это время я побывал во многих странах и городах. Где и когда я мог потерять эту драгоценную пуговицу, без которой мне никогда не стать человеком?

Я знаю, что никто мне не ответит на этот вопрос.

Я летал поочередно ко всем сестрам, но ни одна из них не поняла меня. Они принимали меня за обыкновенного скворца. Самая старшая сестра, испанская королева, посадила меня в клетку и подарила инфанте в день ее рождения. Но вскоре я надоел капризной принцессе, и она отдала меня служанке, а та продала меня на базаре вместе с клеткой заезжему купцу за несколько медяков.

С тех пор я стал переходить из рук в руки, пока наконец на птичьем базаре в Саламанке меня не купил иноземный ученый, которого заинтересовало мое произношение.

Этого ученого звали Амброжи Клякса.

Причуды пана Кляксы

Рассказ Матеуша тронул меня до глубины души. Я решил во что бы то ни стало разыскать пуговицу и вернуть Матеушу его прежний облик.

Так я стал коллекционером. Я собирал старательно все пуговицы, какие мне попадались, и не только в академии, но и на улице, в трамвае и даже в соседних сказках. Тайком я срезал их перочинным ножиком у прохожих с пиджаков, платьев и пальто. За это мне иногда здорово влетало.

Один почтальон в наказание выкупал меня в канаве, в другой раз какой-то толстяк отхлестал крапивой, а одна важная дама, у которой я оторвал пуговицу, отлупила меня зонтиком.

Но все это меня ничуть не смутило, и я смело могу похвастать, что нигде поблизости нет такой пуговицы, какой бы не было в моей коллекции.

У меня семьдесят восемь дюжин пуговиц, причем все разные. К сожалению, ни в одной из них Матеуш не признает пуговицы с волшебной шапки.

Но я не теряю надежды и буду продолжать поиски, пока не найду волшебную пуговицу доктора Пай Хи-во.

Не понимаю только, почему пан Клякса до сих пор не занялся этим делом. Ведь ему ничего не стоит найти пуговицу и расколдовать несчастного принца.

Ах, пан Клякса все может! Для него нет ничего неосуществимого.

Он может в любое время угадать, кто о чем думает; может сесть на воображаемый стул, который раньше действительно стоял на этом месте, но которого теперь нет; может летать, как воздушный шарик; может маленькие вещи делать большими и наоборот; умеет из цветных стеклышек приготовить любую еду; может снять со свечи огонек и носить его по нескольку дней в кармане.

Короче говоря, пан Клякса может все.

Однажды я во время урока подумал об этом. Пан Клякса угадал, о чем я думаю, и погрозил мне пальцем.

— Послушайте, мальчики, — сказал он, — некоторые из вас считают меня чем-то вроде волшебника или фокусника. Это глупо! Я люблю изобретать и кое-что смыслю в сказках. Но не больше! Если вам нравится придумывать про меня всякую чушь — пожалуйста, меня это не касается. Выдумывайте сколько угодно. Я не вмешиваюсь в чужие дела. Смешно! Некоторые даже верят, будто человек может превратиться в птицу. Правда, Матеуш?

— Авда, авда! — отозвался Матеуш, сидевший в заднем кармане сюртука пана Кляксы.

— Все это чепуха! Лично я не верю в такие выдумки.

— Ну, а сказки, пан профессор, тоже выдумки? — неожиданно спросил Анастаси.

— Сказки всякие бывают, — ответил пан Клякса. — Некоторые считают, что я выдуман и моя академия выдумана. Но они ошибаются!

Все ученики очень любят и уважают пана Кляксу за то, что он такой добрый и никогда не сердится.

Как-то раз мы встретились в парке. Он улыбнулся и сказал:

— Тебе очень к лицу рыжие волосы, мой мальчик! — Потом посмотрел на меня испытующе и добавил: — Вот сейчас ты подумал, что мне лет сто, верно? А ведь я на целых двадцать лет моложе тебя.

Я в самом деле тогда так подумал, и мне было неприятно, что пан Клякса прочел мои мысли. Но долгое время я не мог сообразить, как это пан Клякса может быть настолько моложе меня.

И вот что рассказал мне Матеуш.

На третьем этаже, в комнате, где живут пан Клякса и Матеуш, на подоконнике стоят две кровати величиною с папиросный коробок; в этих кроватках они спят. Неудивительно, что в такой кроватке уместается скворец, но пан Клякса? Этого я не мог понять. Может быть, Матеушу это только мерещится или он просто-напросто выдумывает, но он еще рассказал мне, что каждый день ровно в полночь пан Клякса начинает уменьшаться, пока не станет размером с грудного младенца. У него выпадают волосы, усы, борода, и он как ни в чем не бывало ложится в крохотную кроватку, стоящую рядом с кроваткой Матеуша.

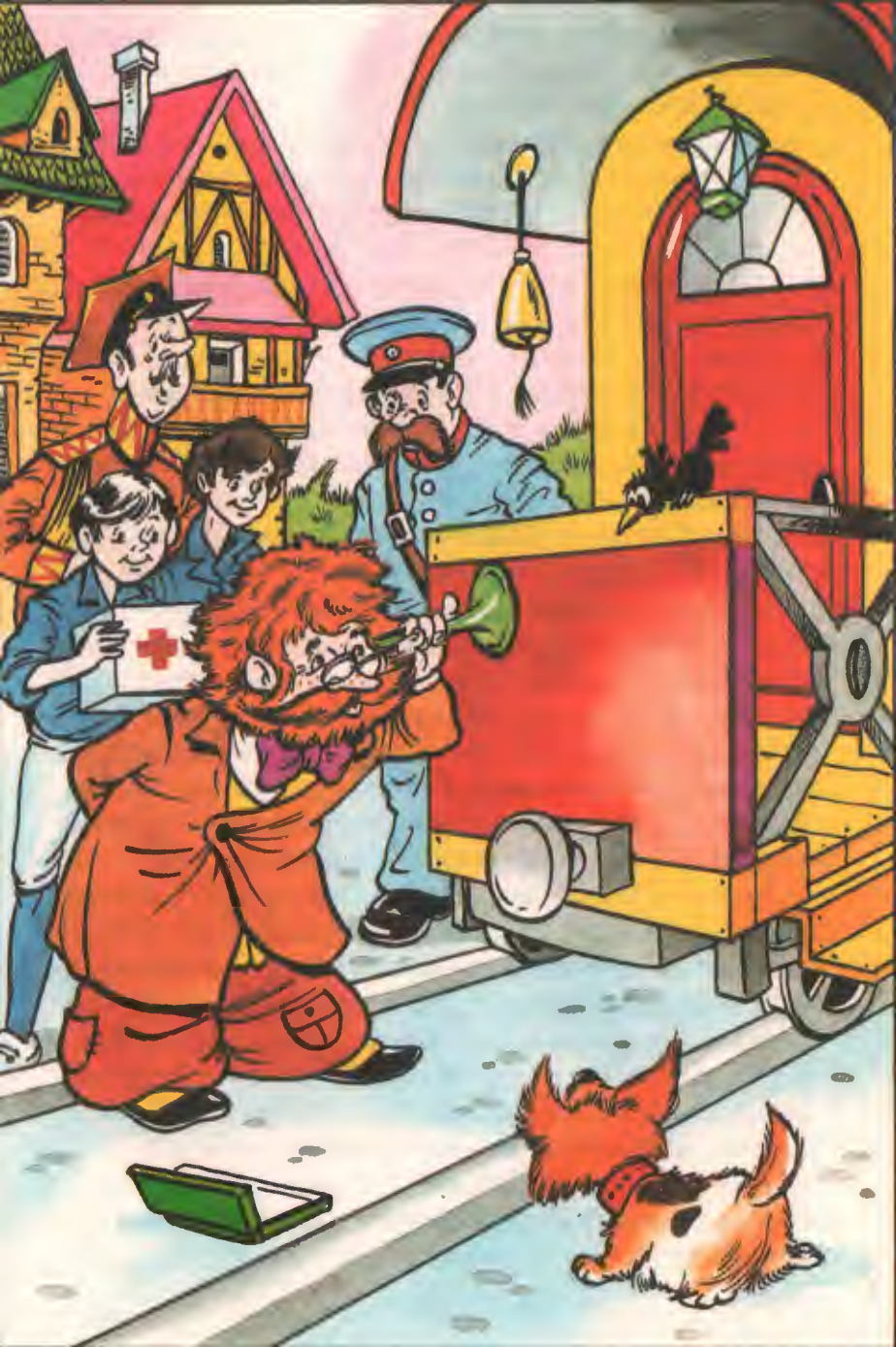
Проснувшись утром, пан Клякса вставляет в ухо увеличительный насос, затем принимает несколько таблеток для ращения волос и таким путем минут через десять становится обычным паном Кляксой.

Увеличительный насос пана Кляксы заслуживает особого внимания. С виду это обыкновенная масленка для швейной машины. Но стоит пану Кляксе приставить насос к какому-нибудь предмету и несколько раз нажать на донышко, как этот предмет сразу начинает увеличиваться. Таким образом, пан Клякса из младенца превращается во взрослого человека, а из маленького куска мяса величиною с кулачок prepares жаркое для всей академии. У этого насоса есть большой недостаток: он увеличивает не все предметы, а только самые необходимые, и они остаются в увеличенном виде недолго, только пока это нужно, а потом снова принимают прежний вид. Поэтому пан Клякса в полночь снова превращается в младенца, а мы после обеда чертовски голодны, так что нам на сладкое приходится съесть еще что-нибудь, приготовленное из цветных стеклышек.

Цветные стеклышки нам приходится запастись в огромном количестве, потому что увеличительный насос на них совсем не действует. Это нас очень огорчает. Но пан Клякса обещал придумать какой-нибудь другой способ для приготовления сладкого.

За утренним завтраком пан Клякса съедает несколько цветных стеклянных шариков и запивает их зеленой настойкой. Этот напиток, по словам Матеуша, возвращает пану Кляксе память, которую он теряет во время сна.

Как-то утром, когда зеленой настойки не оказалось, пан Клякса не мог вспомнить, кто он, как его

зовут; он не узнал собственной академии, перепутал всех учеников и даже Матеуша называл Трезором, приняв скворца за собаку.

Он бродил по академии как безумный и кричал:

— Андерсен! Где мой вчерашний день? Куд-куда! Я курица! Сейчас снесу яичко! Отдайте мои веснушки!

Если бы Матеуш не полетел к трем веселым гномам и не взял у них взаймы бутылку зеленой настойки, пан Клякса наверняка сошел бы с ума и навсегда исчезла бы его знаменитая академия.

Позавтракав, пан Клякса налепляет веснушки и одевается. Нелишне описать внешний вид и одежду пана Кляксы.

Пан Клякса среднего роста, но нельзя понять, толстый он или тонкий, потому что одежда на нем сидит мешком. Он носит широченные штаны, которые во время ветра надуваются, как воздушный шар; просторный курток — цвета не то шоколадного, не то бордо; бархатный, лимонного цвета жилет с большими стеклянными пуговицами; высокий стоячий воротник и бархатный бант вместо галстука. Особенное своеобразие костюму пана Кляксы придают карманы. Их у него видимо-невидимо.

Я насчитал на его штанах шестнадцать карманов, а на жилете двадцать четыре. Зато в куртке всего один карман и тот сзади. Этот карман предназначен для Матеуша, и Матеуш может забираться туда когда захочет.

По утрам, когда пан Клякса приходит на работу и собирается сесть в кресло, из заднего кармана доносится душераздирающий вопль:

— Баю, даю! Баю, даю!

Это значит: «Погибаю, пропадаю! Погибаю, пропадаю!»

Тогда пан Клякса, прежде чем сесть, старательно расправляет полы сюртука, чтобы не раздавить Матеуша.

Но не всегда Матеушу приходится предостерегать пана Кляксу. Иногда пан Клякса, войдя в класс, сам говорит:

— Адашь, убери, пожалуйста, кресло.

Я убираю кресло, и пан Клякса как ни в чем не бывало садится на воздух, туда, где оно только что стояло.

В жилетных карманах у пана Кляксы столько добра, что у нас просто дух захватывает. Тут бутылка с зеленой настойкой, табакерка с запасными веснушками, увеличительный насос, снотворный квас, о котором я еще расскажу, цветные стекляшки, свечные огоньки, таблетки для ращения волос, золотые ключики и другие ценные вещи.

Карманы штанов, по-моему, бездонны. Пан Клякса может спрятать туда что угодно и забыть, что у него там лежит. Матеуш рассказывал мне, что, перед тем как лечь спать, пан Клякса опорожняет карманы и складывает их содержимое в отдельной комнате, причем нередко случается, что одной комнаты мало и приходится открывать вторую, а то и третью.

Такой головы, как у пана Кляксы, нет ни у кого другого. У него огромная шевелюра, переливающаяся всеми цветами радуги. А подбородок пана Кляксы обрамлен черной как смоль растрепанной бородой.

Большую часть лица занимает нос; но очень подвижен и поворачивается то вправо, то влево, в зависимости от времени года. На носу сидит пенсне, похожее на маленький велосипед, а под носом растут длинные жесткие оранжевые усы. Глаза у пана

Кляксы как два сверла, и, если бы не пенсне, он протыкал бы ими всех насквозь.

Пан Клякса видит абсолютно все — видимое и даже невидимое.

В одном из погребов хранятся маленькие разноцветные воздушные шарики с привязанными к ним корзинками. Недели две назад я узнал, для чего они пану Кляксе.

Было это так. Когда мы вставали из-за стола после обеда, из города примчался Филипп с известием, что на перекрестке Резедовой и Смешной улиц застрял трамвай и никто не может его починить. Пан Клякса велел принести из погреба один воздушный шарик, положил в корзинку свой правый глаз, и шарик полетел в город.

— Собирайтесь в дорогу, мальчики, — сказал пан Клякса, — сейчас он вернется. Я узнаю, что случилось с трамваем, и мы пойдем к нему на выручку.

В самом деле, не прошло и пяти минут, как воздушный шарик вернулся и опустился прямо у ног пана Кляксы.

Пан Клякса вставил свой глаз на место и с улыбкой промолвил:

— Все ясно — левое заднее колесо нуждается в смазке, в переднюю ось набился песок, на крыше разъединились ведущие от дуги провода, а у вагонновожатого опухла печень. Анастаси, открывай ворота! Шагом марш!

Мы вышли строем на улицу, пан Клякса — сзади. По дороге он снял пенсне и приставил к нему увеличительный насос. Пенсне стало расти. Когда оно достигло размеров настоящего велосипеда, пан Клякса вскочил на него и поехал впереди, указывая дорогу.

Вскоре мы были на Смешной улице. На перекре-

стке, затормозив движение, стоял пустой трамвай. Несколько слесарей и механиков, пыхтя и вытирая пот, возились вокруг него.

Увидев пана Кляксу, все расступились. Пан Клякса велел нам, взявшись за руки, оцепить трамвай и никого не подпускать. Он подошел к вагоновожатому, корчившемуся от боли, и дал ему проглотить маленькое голубое стеклышко. Потом занялся самим трамваем. Опустил руку в один из своих бездонных карманов и вынул слуховую трубку, молоточек, лейкопластырь, банку желтой мази и бутылку йода; обстукал трамвай со всех сторон, внимательно выслушал его, смазал мотор и руль желтой мазью, а ось — йодом. Взобрался на крышу и слепил пластырем разъединившиеся провода.

Вся эта процедура заняла не больше десяти минут.

— Готово! — объявил торжественно пан Клякса. — Можно ехать!

Вылеченный паном Кляксой вагоновожатый вскочил на площадку, включил мотор, и трамвай, как новенький, легко заскользил по рельсам. А мы пошли домой, распевая марш академии пана Кляксы.

Через несколько дней я еще раз видел, как пан Клякса, по его выражению, послал глаз в разведку.

Мы сидели у пруда и записывали в тетрадки кваканье лягушек. Пан Клякса научил нас выбирать из кваканья отдельные слоги и складывать из них стишки.

Вот, например, какой у меня получился стишок:

*Для особо важных дел
Месяц с неба в пруд слетел.
Рыбы встали на дыбы:
«Как бы не было беды!»*

*Отвечал он им, сияя:
«Я ведь рыбка золотая».
А рыбак вскричал: «Ха-ха!
Будет славная уха!»—
На крючок поймал разиню
И отнес домой в корзине.*

Так вот, значит, сидели мы у пруда, а пан Клякса глядел в воду. Он так низко наклонился, что из жилетного кармана у него выпал увеличительный насос и пошел ко дну.

Недолго думая я прыгнул в воду, а за мной еще несколько ребят, но насоса мы не нашли. Тогда пан Клякса кинул в воду свой правый глаз и сказал:

— Посылаю глаз в разведку! Пусть укажет, где насос!

Глаз тотчас вынырнул обратно. Пан Клякса поставил его на место и радостно закричал:

— Ура! Я вижу насос — он в яме, где живут раки, в четырех шагах от берега!

Я бросился в воду и тут же нашел насос, именно в том месте, которое указал пан Клякса.

А неделю назад пан Клякса преподнес нам сюрприз. Он велел принести из погреба голубой воздушный шарик, положил глаз в корзинку и объявил торжественно:

— Посылаю глаз на Луну. Хочу узнать, кто там живет, и сочинить для вас сказку про лунных жителей.

Шарик сразу улетел — и пока не вернулся. Но пан Клякса говорит, что еще не время: Луна очень высоко и шарик вернется не раньше Нового года. Пан Клякса смотрит пока одним глазом, а второй залеплен пластырем.

Но вернемся к прерванному рассказу. Совершив утренний туалет, пан Клякса идет вниз, на урок.

Собственно говоря, даже не идет, а съезжает по перилам, сидя верхом и придерживая руками пенсне на носу. В этом не было бы ничего удивительного, но пан Клякса так же легко въезжает по перилам вверх. Для этого он делает глубокий вдох, надувает щеки и становится легким как перышко. Он может не только въезжать по перилам, но и летать, когда это ему бывает нужно, как, например, во время охоты за бабочками. Бабочки — одно из самых любимых блюд пана Кляксы, за вторым завтраком он не ест ничего другого.

— Запомните, мальчики, — сообщил он как-то, — вкус еды зависит не от самого продукта, а от его цвета. Мне еда не нужна, я вполне сыт таблетками для ращения волос. Но у меня ужасно чувствительное нёбо, и я обожаю всякие изысканные блюда. Вот почему я ем исключительно цветную пищу. Например, бабочек, цветы, разноцветные стеклышки и другие деликатесы, которые сам крашу в какой-нибудь вкусный цвет.

Но я однажды заметил, что, съев бабочку, пан Клякса выплюнул косточку, похожую на косточку черешни или вишни.

Пан Клякса объяснил мне, что ест только особый сорт бабочек, у которых есть косточки и которые растут в огороде, как фасоль.

Ребятам иногда кажется, что летать, как пан Клякса, совсем не трудно. И они начинают тужиться изо всех сил, надувают щеки, повторяют все движения пана Кляксы, но у них ничего не выходит. У Артура от натуги пошла кровь из носа, а один из Антониев чуть не лопнул.

И я вместе со всеми делал попытки летать, но у меня тоже ничего не получалось, хотя пан Клякса давал нам всем ценные советы.

Но в прошлое воскресенье, после обеда, я случайно сделал глубокий вдох и вдруг почувствовал себя необыкновенно легким, а когда я вдобавок надул щеки, земля выскользнула у меня из-под ног, и я взлетел.

Занятия в академии

Каждое утро в пять часов Матеуш открывает так называемые шлюзы. Это небольшие отверстия в потолке, расположенные над нашими кроватями. У каждого ученика свой шлюз, так что их ровно двадцать четыре. Когда Матеуш открывает шлюзы, оттуда нам прямо на нос капает холодная вода.

Так Матеуш будит нас.

Одновременно раздается его команда:

— Ать, тва!

Это значит: «Вставать, братва!»

Мы вскакиваем с постели и поспешно одеваемся. Чему сегодня научит нас пан Клякса?

Наша спальня очень большая. Вдоль стен тянутся умывальники, и у каждого из нас свой душ. Мыться одно удовольствие, потому что из душа течет газированная вода с сиропом. Что ни день — другой сироп. Я больше всего люблю малиновый, поэтому моюсь в среду. Сиропы пана Кляксы хорошо мылятся и дают много пены, так что по утрам наша спальня похожа на огромное бельевое корыто.

Мы одеты в одинаковые синие рубашки, белые штаны, синие чулки, белые башмаки. А провинившихся заставляют надевать желтый галстук в зеленую крапинку. Это довольно красивый галстук, но у нас он считается позорным.

В половине шестого, захватив с собой сонные зеркальца, мы отправляемся в столовую.

Там посреди комнаты стоит большой обеденный стол, за которым у каждого из нас постоянное место. Окна здесь с цветными стеклами, чтоб еда была вкуснее.

Пан Клякса завтракает и ужинает отдельно, а во время нашего обеда летает над столом с лейкой в руках и поливает кушанья соусом. Соусы бывают разные, и у всякого свое назначение: белый укрепляет зубы, голубой улучшает зрение, желтый облегчает дыхание, серый обновляет кровь, а зеленый разгоняет хандру.

Матеуш во время еды сидит на цветочном горшке и следит, чтобы мы ничего не оставляли на тарелках.

В шесть часов Матеуш берет в клюв маленький серебряный колокольчик и сзывает всех на переключку. Мы сломя голову бежим в кабинет пана Кляксы, где он давно ждет нас и в знак приветствия целует каждого в лоб.

После переключки пан Клякса залезает в большой шкаф и через круглое окошечко принимает от нас зеркальца. Это не простые зеркальца. Ночью они стоят у каждого на тумбочке, и в них отражаются наши сны, а утром пан Клякса проверяет, что нам снилось. Неинтересные и бестолковые сны он выбрасывает на помойку, а хорошие оставляет.

Пан Клякса снимает сны с поверхности зеркала ваткой, смоченной в снотворном квасе, и выжимает в фарфоровое блюдечко. Там они некоторое время сохнут. Потом из образовавшегося белого порошка на специальном станочке пан Клякса штампует таблетки, которые мы принимаем на ночь.

Благодаря этому нам снятся все более осмысленные и интересные сны. Самые выдающиеся из них пан Клякса записывает в большой академический сонник.

Уроки у нас начинаются рано, в семь часов утра. И несмотря на это, ни в одной школе ребята не учатся с таким удовольствием, как в академии пана Кляксы.

Во-первых, пан Клякса всегда придумывает что-нибудь новое, а во-вторых, на уроках бывает очень весело.

— Предупреждаю, мальчики, — сказал нам в первый день занятий пан Клякса, — у меня вам не придется заучивать таблицу умножения или правила грамматики. Я просто открою ваши головы и пролью туда свет.

Если вам интересно узнать, какие предметы мы проходим в академии пана Кляксы, могу рассказать про вчерашний день, потому что для описания всех дней не хватило бы места даже в самой толстой книжке.

Вчера первым был урок кляксописания. Пан Клякса нарочно придумал этот предмет, чтобы мы научились пользоваться чернилами.

Происходило это так: на большие листы белой бумаги ставилось несколько клякс, потом лист складывался вдвое, чтобы кляксы размазались. Из этих клякс возникали изображения птиц, зверей, людей и даже целые картины. Пан Клякса придумывал к ним стихи, а мы их писали под рисунком.

Мне кажется, что пан Клякса сам возник из такой кляксы, потому его так и зовут. Матеуш говорит, что это вполне возможно. К одному из моих рисунков пан Клякса сочинил такой стишок:

*Это что? Не разберу:
Муха или кенгуру?*

Урок кляксописания нам очень понравился. Мы израсходовали несколько бутылок чернил и рулон бумаги, не говоря уж о том, что сами с ног до головы были в чернилах. А вечером всем пришлось принять душ с малиновым сиропом, потому что ничем другим чернила не отмывались.

После кляксописания был урок буквовязания. Вы, наверное, знаете, что буквы состоят из маленьких сплетенных ниточек. Так вот, пан Клякса научил нас распутывать ниточки, связывать в одну длинную нить и наматывать на катушки. Мы уже перемотали немало книг из библиотеки пана Кляксы. Из одной книги получается семь-восемь катушек ниток. Пан Клякса вяжет на них узелки. Это его любимое занятие. Он может часами, сидя в кресле или на воздухе, вязать узелки.

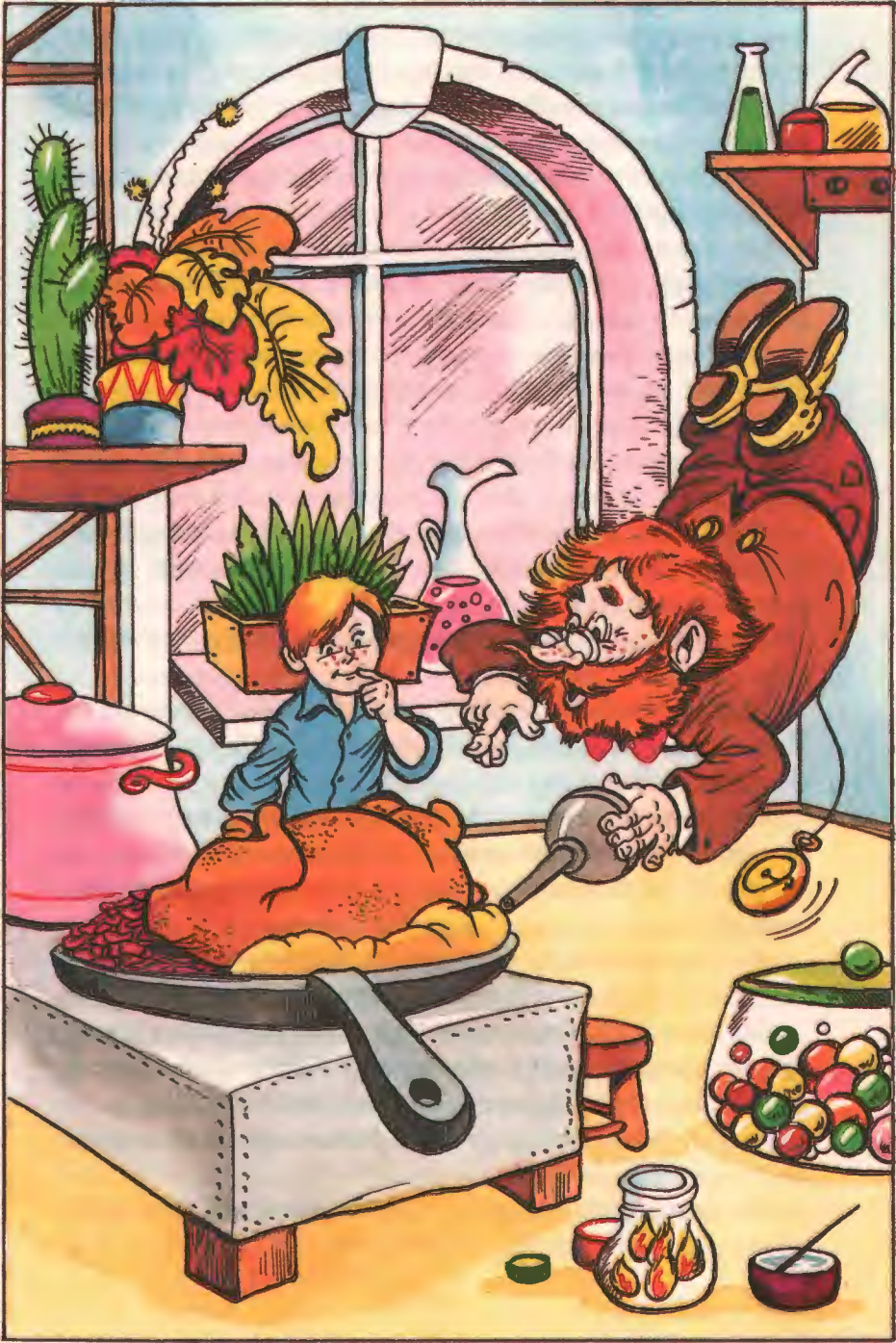
Однажды я не выдержал и спросил, зачем он это делает. Он удивленно ответил:

— Глупенький, разве ты не видишь? Я читаю. Пропускаю буквы сквозь пальцы, зрение от этого не портится, а книга прочитана. Вот перематаете всю библиотеку, я вас тоже научу так читать.

После урока буквовязания пан Клякса повел нас на третий этаж и открыл одну из дверей.

— Проходите осторожно, мальчики, — предупредил он нас, — это лечебница больных вещей. Помните, как я вылечил трамвай? Теперь я научу вас лечить поломанные вещи.

Комната была завалена рухлядью. Здесь были кресла без ножек, диваны без пружин, разбитые зеркала, испорченные часы, поцарапанные столы,

перекосившиеся шкафы, дырявые стулья и другие пришедшие в негодность предметы.

Пан Клякса велел нам стать в сторонку, а сам взялся за работу.

Вещи подняли невообразимый треск, скрип, скрежет. Табуретки и стулья от радости затопали ножками, а пружина в часах даже ойкнула.

Затаив дыхание мы следили за работой пана Кляксы. Сначала он подошел к столику в углу комнаты, обстучал его со всех сторон, взял за ножку, пощупал пульс и ласково сказал:

— Ну, малыш, сегодня тебе полегче, правда? Температура резко упала, доски срослись. Дня через два ты будешь совсем здоров!

Столик что-то простонал в ответ. Тогда пан Клякса натер ему столешницу мазью и посыпал щели зеленым порошком.

Потом пан Клякса подошел к шкафу, жалобно скрипевшему дверцами.

— Ну как? — поинтересовался пан Клякса. — Прошел кашель? Нет? Ну ничего, не горюй, скоро поправишься!

Он прислонил ухо к стенке шкафа, послушал, потом пипеткой накапал в щели касторки.

Шкаф облегченно вздохнул и благодарно принял к пану Кляксе.

— Завтра я тебя еще раз проведу, — успокоил его пан Клякса. — Будь молодцом!

На стене висело треснутое зеркало. Пан Клякса взглянул на него, поправил на носу веснушки, потом достал из кармана черный пластырь и заклеил трещину.

— Вот, мальчики, учитесь чинить разбитые стекла! — сказал он весело.

Он потер фланелевой тряпочкой зеркало и снял пластырь. Трещины как не бывало.

— Все в порядке! Анастаси и Артур, отнесите его потом в столовую.

С часами было больше возни. Пришлось промыть и протереть все винтики, сжать растянувшуюся пружину, прижечь маятник йодом.

— Бедняжки! — пожалел их пан Клякса. — Натерпелись! Ну ничего, скоро начнете ходить.

Он поцеловал часы в циферблат и дружески похлопал по футляру. Часы сразу зазвонили, стрелки закрутились, маятник закачался, и на всю лечебницу раздалось звонкое: тик-так, тик-так, тик-так!

Нам было очень приятно, что больные вещи так любят пана Кляксу.

Перед самым уходом из лечебницы пан Клякса вдруг обнаружил пропажу своей любимой золотой зубочистки.

— Никто отсюда не выйдет, пока она не найдется, — заявил он.

Начались поиски. Мы облазили на четвереньках весь пол, заглянули во все углы. Матеуш совал клюв во все дырки. А пан Клякса, расстроенный, сидел в воздухе, закинув ногу на ногу, и принимал таблетки для ращения волос, потому что от горя у него выпали два волоска.

Тогда больные вещи сами принялись за поиски. Стулья и табуретки, хрошая и подпрыгивая, носились по комнате. Замочные скважины всюду заглядывали. Ящики комодов и столов, кряхтя и охая, высовывались и вытряхивали свое содержимое прямо на пол. Зеркала все отражали. Даже печка не пожелала оставаться в стороне и без умолку причитала:

— Холодно... холодно... тепло. Холодно... тепло... тепло!

Часы шли медленно, но, как только они приблизились к окну, печь завопила:

— Тепло!.. Очень тепло!

Часы окинули взглядом подоконник и стали ощупывать гардины.

— Горячо! Горячо! — закричала печь.

Зубочистка нашлась. Она воткнулась в гардину, почти у самого пола.

Так больные вещи нашли пропажу.

Мы провозились в лечебнице почти до полудня. Обычно в это время пан Клякса улетал на охоту за бабочками, а мы шли к пруду или на площадку, где у нас один урок всегда проходил на свежем воздухе.

Так было и на этот раз. Пан Клякса выпорхнул через окно в сад и полетел на охоту, а мы с Матеушем отправились во двор на урок географии. Первый раз в жизни я видел такой урок географии, хотя до этого учился в двух школах.

Матеуш выкатил на поле большой глобус и разделил нас на две команды, как при игре в футбол. Матеуш был судьей. Он без устали носился за мячом и свистел, если кто-нибудь допускал промах. Игра заключалась в том, чтобы одновременно с ударом по глобусу назвать местность, куда угодил носок башмака.

Матеуш засвистел, и игра началась. Мы носились по полю как угорелые и изо всех сил били по мячу.

При каждом ударе раздавался голос кого-нибудь из игроков:

— Краков!

— Австралия!

— Лондон!

— Татры!

- Кунцево!
- Висла!
- Берлин!
- Греция!

Всякий раз Матеуш свистел. То оказывалось, что Антоний спутал Кельцы с Китаем, то — что Альберт принял Африку за Балтийское море, то еще что-нибудь.

Мы играли с большим увлечением: толкались, падали, поднимались, выкрикивали названия городов, стран, морей. У Матеуша с клюва стекал пот, я пыхтел, как кузнечные мехи, и все-таки лучше узнал географию, чем за три года в двух предыдущих школах.

Под конец игры произошло неожиданное событие: один из Александров так сильно ударил по глобусу, что тот взлетел очень высоко и упал не на площадку, а по ту сторону ограды, в какую-то соседнюю сказку. Мы не знали, что делать. Где искать мяч? То ли в сказке про Мальчика с пальчик, то ли в сказке про Синдбада-морехода.

Наши размышления прервал радостный крик Матеуша:

— Чики, рите!

Это значило: «Мальчики, смотрите!»

Мы взглянули и обомлели от восторга: прямо к нам приближалась прекрасная Снежная королева, а за ней Двенадцать гномов тащили на плечах наш глобус.

Мы радостно бросились им навстречу.

Снежная королева лукаво улыбнулась и сказала:

— Ваш мяч разбил несколько моих игрушек, но я готова вернуть его вам, если вы научите моих гномов географии.

— Пожалуйста! С превеликим удовольствием! — бойко отозвался Анастаси. Он был самый смелый из нас.

Но случилось невероятное. Снежная королева и ее двенадцать подданных под лучами августовского солнца вдруг стали таять.

— Я забыла, что у вас лето! — пролепетала королева, сгорая от стыда.

Пока мы гадали, что предпринять, Снежная королева совсем растаяла и превратилась в маленький прозрачный ручеек. Этот ручеек соединился с двенадцатью другими ручейками поменьше, и они бурным потоком устремились к ограде, напевая знаменитую песенку гномов:

*Гей-га! Гей-го!
Домой идти легко!*

«Как хорошо, что я не из снега!» — пронеслось у меня в голове.

Так окончилось посещение Снежной королевой академии пана Кляксы.

Раздавшийся звонок вывел меня из оцепенения. Это Матеуш звал нас к обеду.

Кухня пана Кляксы

В академии пана Кляксы прислуги нет, и все, что нужно, мы делаем сами. Обязанности распределены между нами таким образом, что у каждого есть свои хозяйственные заботы. Анастаси открывает и закрывает ворота и, кроме того, ведает воздушными шарами пана Кляксы; пять Александров следят за одеждой и бельем, то есть стирают и

глядят, штопают чулки и пришивают пуговицы; Альберт и один из Антониев наводят порядок в парке и на площадке; Альфред и второй Антоний прислуживают за столом; второй Альфред и третий Антоний моют посуду; Артур убирает школьный зал; три Анджея поддерживают чистоту в спальне, столовой и на лестнице; три Адама приготавливают сиропы для купания и соусы для обеда; остальные ученики заняты другими хозяйственными делами, и только на кухне пан Клякса хозяйничает сам.

Мы всегда удивлялись, как это пану Кляксе одному удается готовить для всех еду, но вход на кухню был воспрещен. И вот на позапрошлой неделе пан Клякса назначил меня своим помощником по кухне. Я возгордился и ходил важный, как индюк.

Когда раздался звонок к обеду, ребята побежали в столовую, где Альфред и Антоний давно поставили приборы, а я отправился на кухню.

Я должен рассказать, как она выглядит и какие пан Клякса завел там порядки.

Вдоль стены тянется длинный стол, на нем стоят банки с цветными стекляшками, а на другом столе, у противоположной стены, стоят краски, кисточки и помазки. На подоконниках в больших деревянных ящиках цветут настурции и герань. Посреди кухни стоит большой стол, обитый жестью, а на нем — большая пузатая бутылка с огоньками и несколько банок с порошками разных цветов.

Пан Клякса надел фартук и принялся за работу.

Он насыпал в кастрюлю три кружки оранжевых стекляшек, добавил белого порошка, налил воды, тонкой кисточкой нарисовал сверху зеленый горошек и положил в кастрюлю несколько огоньков;

вода в кастрюле сразу закипела. Тогда пан Клякса помешал содержимое ложкой, перелил в огромную миску и сказал мне:

— Отнеси в столовую. Кажется, помидоровый суп вышел на славу!

В самом деле, я никогда в жизни не ел ничего вкуснее, а ведь суп варился не более пяти минут.

Пока ребята ели первое, пан Клякса успел приготовить второе. Он бросил на сковородку огонек, положил кусочек мяса, два стеклышка, белое и красное, посыпал сверху порошком, а когда мясо поджарилось и стеклышки разварились, приставил к сковороде увеличительный насос и несколько раз нажал на донышко. Сковорода до краев наполнилась вкусным жареным мясом с мелко нарезанной свеклой и картофельным пюре. На картошке пан Клякса нарисовал зеленый укроп. Мяса было столько, что оно едва уместилось на тарелках.

На третье пан Клякса решил приготовить компот из крыжовника. Он сорвал несколько листьев герани, посыпал их серебристым порошком и попробовал.

— Фу, какая гадость! — сказал он недовольным голосом. — Лучше приготовлю малиновый компот.

Компот получился такой вкусный, что я его попробовал трижды, а когда пан Клякса с лейкой полетел в столовую поливать жаркое коричневым соусом, укрепляющим десны, я не выдержал и еще раз попробовал компот.

После обеда ребята занялись уборкой и другими делами, а мы с паном Кляксой остались на кухне.

— Ну, Адашь, — сказал пан Клякса, — поедим теперь и мы с тобой. Ты, наверно, здорово проголодался. Чего тебе хочется?

Я ужасный лакомка и поэтому растерялся, не зная, что выбрать. В конце концов я остановился на омлете со шпинатом.

Пан Клякса взял кисть, окунул ее по очереди в несколько красок, нарисовал омлет со шпинатом, положил сверху огонек, потом переложил омлет в тарелку и сказал:

— Славный вышел омлет. Я думаю, он тебе понравится.

Омлет был такой вкусный, что прямо таял во рту.

Так же быстро пан Клякса приготовил жареного цыпленка с солеными огурцами и пирог с ягодами.

— А вы что будете есть, пан профессор? — спросил я робко.

Вместо ответа пан Клякса достал из кармана коробку с таблетками для ращения волос, проглотил несколько штук сразу и сказал:

— Вот я и сыт. А для души съем что-нибудь цветное.

Он сорвал листок герани, обмакнул его подряд в зеленую, красную, голубую и серебристую краску и с аппетитом съел.

— Сейчас я тебе все объясню, — сказал пан Клякса, заметив мое удивление. — Много-много лет назад я побывал в столице Китая, городе Пекине. Там я подружился с доктором Пай Хи-во. Тебе, вероятно, приходилось слышать это имя. Так вот, доктор Пай Хи-во открыл мне секрет. Оказывается, вкус еды заключается в ее цвете. Голубой цвет — кислый, зеленый — сладкий, красный — горький, желтый — соленый, а смешивая цвета, можно получить всякие оттенки. Например, смесь зеленого с белым и серым придает еде привкус ванили; коричневый цвет с желтым на-

поминает шоколад, а серебристый с черным — салат.

Во всем этом рассказе больше всего меня поразило то, что пан Клякса был знаком с доктором Пай Хи-во, тем самым лекарем, который подарил Матеушу волшебную шапку богдыханов. Тут крылась какая-то тайна.

Между тем пан Клякса продолжал:

— Доктор Пай Хи-во открыл мне и другие секреты. Ему я обязан почти всеми своими знаниями. Он открыл мне тайну человеческих имен.

Вот я принимаю в академию мальчиков только с именами на букву «А», а почему? Да потому, что они идут первыми по списку, а первыми, как известно, бывают самые способные и прилежные ученики. Имя «Матеуш» приносит счастье, поэтому я назвал так моего скворца. А самое счастливое — мое собственное имя: Амброжи. Но это неважно, — закончил он неожиданно. — Пойдем в парк. Ребята нас заждались.

После обеда мы обычно собираемся в парке, и пан Клякса придумывает какую-нибудь интересную игру.

Вчера мы искали клад.

— Кто ищет, тот всегда найдет! — сказал многозначительно пан Клякса.

Ребята разбрелись кто куда. Я предложил Артуру пойти со мной. Он согласился, и мы разработали общий план.

Я уже говорил, что академию окружал огромный парк. Столетние дубы, вязы, грабы, каштаны, тополя переплетались пышными кронами, так что свет почти не проникал на землю. Заросли крапивы, лопухов, малины, шиповника и разнообразных трав делали чащу непроходимой и преграждали путь

к многочисленным пещерам и гротам. Некоторые уголки парка напоминали джунгли, где не ступала человеческая нога. Ночами из парка доносились таинственные шорохи и голоса.

Раньше мы никогда не углублялись далеко в чащу, хотя нам давно хотелось ее исследовать. Иногда мы забирались в ближайшие пещеры, влезали в дупла столетних дубов, но это нас не удовлетворяло. Мы мечтали зайти поглубже, в самые дебри таинственного парка.

Захватив с собой фонарики, веревку, охотничий нож, горсть цветных стеклышек на случай, если проголодаемся, мы отправились в путь.

Пробираться сквозь заросли крапивы и лопухов было делом нелегким, и нам часто приходилось пускать в ход острый охотничий нож. И вот после долгого и трудного пути мы очутились в самом сердце таинственной чащи.

Со всех сторон доносились тревожные шорохи, похожие на хриплый кашель или смех. Шурша листьями, пробегали ящерицы.

Я взглянул вверх. Над нами простирались ветви гигантского дуба. В стволе на высоте двух метров от земли заманчиво зияло дупло.

— Неплохо бы туда забраться, — мечтательно произнес Артур.

— Еще бы! — поддержал я.

Не говоря ни слова, Артур достал из мешка веревку, сделал на конце петлю, забросил на самый толстый сук и, с кошачьей ловкостью взобравшись на дерево, исчез в дупле. Я последовал за ним и очутился на верхней площадке винтовой лестницы.

— Спустимся, — предложил Артур.

— Давай, — согласился я.

Мы зажгли фонарики и стали медленно спускаться. Когда мы спустились вниз на двести тридцать ступенек, перед нами возник узкий темный коридор. Мы продолжали путь, стараясь ступать как можно осторожней. От страха у меня дрожали колени. Я слышал, как колотится мое сердце и даже как колотится сердце у Артура. Коридор поворачивал то вправо, то влево и наконец вывел нас в большой зал, слабо освещенный зеленой лампочкой. Посреди зала стояло три окованных железом сундука. Я с большим трудом открыл первый. На самом дне, к моему великому удивлению, я увидел зеленую лягушку с крошечной короной на голове.

— Не прикасайтесь ко мне, — предупредила лягушка. — Я знаю, вы из академии пана Кляксы. А я Царевна-лягушка. Всякий, кто до меня дотронется, навсегда превратится в лягушку. Моя сказка, конечно, довольно интересная, но она слишком затянулась. Вот уже пятьдесят лет я жду принца, который на мне женится. Я знаю, что вы не в силах мне помочь: вы еще маленькие и к тому же не принцы. Опустите крышку, а в награду возьмите все, что найдете в двух других сундуках.

Мы поблагодарили Царевну-лягушку и закрыли сундук.

Во втором сундуке вместо ожидаемых сокровищ я увидел маленький самодельный свисток, больше ничего. Я разозлился и сказал Артуру:

— Возьми его себе! Мне он не нужен!

Артур взял свисток и стал его рассматривать, я тем временем открыл третий сундук. На самом дне лежал маленький золотой ключик, каких у пана Кляксы видимо-невидимо.

— Хорош клад, нечего сказать! — проговорил я

со злостью и, выхватив у Артура свисток, поднес к губам и засвистел.

Мы моргнуть не успели, как какая-то неведомая сила подняла нас в воздух и перенесла на старое место возле дуба. Веревка еще болталась на суку, но дупла мы, сколько ни искали, найти не смогли.

Взволнованные нашим приключением, мы вернулись в академию. У пруда на условленном месте мы увидели пана Кляксу, окруженного ребятами. Они все уже успели вернуться. Рядом с ними на земле лежали их находки. Тут были и золотые монеты, и жемчужные ожерелья, и скрипки с золотыми струнами, и аметистовые чаши, и табакерки, и перстни, усыпанные бриллиантами, и серебряные подносы, и разные изделия из янтаря, слоновой кости, и другие ценные вещи.

При виде этих богатств нам стало ужасно стыдно.

— Ну, а вы что нашли? — спросил, улыбаясь, пан Клякса.

Мы протянули ему ключик и свисток.

Пан Клякса схватил их так, словно увидел нечто необычайное.

— Вашей находке нет цены! — сказал он после минутного молчания. — Этот ключик открывает все замки на свете, а свисток наделен небывалой волшебной силой: стоит свистнуть, и очутишься где захочешь. Молодцы, хорошо постарались! Объявляю вам благодарность!

Он достал из табакерки две веснушки и дал одну мне, другую Артуру.

Ребята с интересом присматривались к нашим вещам, а когда мы рассказали про Царевну-лягушку, даже позавидовали.

— Пусть каждый возьмет себе то, что нашел, — сказал пан Клякса. — А теперь мы не будем терять время. Пусть Адашь Несогласка расскажет, как он научился летать. Очень занятная история!

До этого я никогда никому не рассказывал о своих приключениях. Я боялся, что мне не поверят. Но теперь, когда меня попросил сам пан Клякса, трудно было отказаться, и я стал рассказывать все по порядку.

Ребята слушали затаив дыхание.

Мое удивительное приключение

Мне всегда казалось, что летать нетрудно. Главное — подняться повыше, а там только размахивай руками, как птица крыльями.

Но я жестоко ошибся.

Сначала все шло хорошо. Сделав глубокий вдох, как меня учил пан Клякса, я почувствовал себя необыкновенно легким. Мне казалось, что больше ничего и не нужно. Я надул щеки и взлетел. Академия пана Кляксы стала сразу отдаляться, парк уменьшился, словно провалился в пропасть, ребята превратились в крохотных букашек. Чем выше я поднимался, тем больше меня охватывал страх. Мне захотелось как можно скорее обратно на землю, но, увы, я совсем не умел управлять своим полетом. Я поднимал и опускал руки, дрыгал ногами, повторял движения птиц, задерживал дыхание, но все без толку.

Я болтался в воздухе, как воздушный шарик, и ветер гнал меня неведомо куда. Внизу, вокруг академии, простирались усеянные цветами луга да несколько лесистых холмов. Никаких сказок не было видно.

Через несколько минут эта картина сменилась другой. Я увидел большой город, где дома были похожи на спичечные коробки и стояли правильными рядами. По узеньким улицам скользили крохотные трамваи, а люди были не больше муравьев. Мое появление вызвало в городе большой переполох.

На площадях столпилось множество народа. Все задирали голову, карабкались на телеграфные столбы, влезали на крыши, разглядывали меня в длинные телескопы. Позднее на меня даже направили прожектор. А я все летел и летел, не зная, как мне вернуться на землю.

Стало смеркаться, похолодало. Меня знобило от холода и страха. Я знал, что пан Клякса не сможет мне помочь, потому что его всевидящее око находится на Луне, а больше надеяться было не на кого. С наступлением ночи меня охватил такой ужас, что я заплакал. Кругом были одни звезды. Наконец, устав от долгого полета, от страха и слез, я заснул. Проснулся я от сильного толчка в плечо. Я открыл глаза и увидел длинную стену. Подо мной была твердая почва, но почва эта была прозрачная и голубая, как небо. Огромное золотистое солнце сияло снизу, и его лучи сильно припекали.

Стена была из голубого матового стекла. Я двинулся вдоль нее в поисках входа. Долго шел я по прозрачной земле и наконец набрел на большие ворота, тоже из матового стекла. После недолгого колебания я постучал. В воротах приоткрылось окошко, и показалась свирепая морда бульдога. Он рывкнул три раза, окошко закрылось, но тут же распахнулось снова, и на этот раз я увидел белого лохматого пуделя. Он приветливо оскалился и вдруг так ласково заскулил, словно встретил старого друга.

Я невольно улыбнулся и свистнул. Года два назад у меня был мопс, по имени Рекс, и я обычно подзывал его таким свистом.

Каково же было мое удивление, когда мне в ответ раздался звонкий лай и вместо пуделя в окне показалась знакомая мордочка моего Рекса! Он готов был выскочить из шкуры. Я так обрадовался, что поцеловал его в нос, а он так нежно лизнул меня в губы, что у меня сердце екнуло.

— Рекс! — воскликнул я. — Неужели это ты?

— Гав-гав! — отвечал мне Рекс.

Ворота тут же открылись, и глазам моим предстала необыкновенная картина.

Прямо от ворот вела широкая улица. Вдоль нее по обеим сторонам стояли собачьи будки, вернее домишки с маленькими крылечками и круглыми окошками, сооруженные из разноцветного кирпича и кафеля. Они были окружены чудесными палисадниками. По улице разгуливали собаки разных пород. Они весело лаяли, виляли хвостами, а из окошек высовывались смешные пушистые мордочки щенят.

Рекс все время ластился ко мне, и я тоже был очень рад нашей встрече. Другие собаки с любопытством поглядывали на меня, дружелюбно обнюхивали, а некоторые лизали мне лицо и руки.

Я чувствовал себя неловко, мне было стыдно, что я не могу ответить им тем же.

Я не знал их языка. Тогда, прислушавшись к внутреннему голосу, я опустился на четвереньки, чтобы хоть чем-нибудь уподобиться окружающим меня животным, и это вышло у меня почти естественно. Я попробовал что-то пролаять, но вместо этого вдруг заговорил на незнакомом мне языке.

Такие же слова раздавались вокруг меня. Я услышал знакомый голос Рекса:

— Не удивляйся, Адась, всякий, кто попадает к нам, очень быстро усваивает наш язык. Знаешь, где ты?

— Понятия не имею, — ответил я. — Дорогой Рекс, объясни мне, пожалуйста, да кстати познакомь со своими друзьями, чтобы я не чувствовал себя таким чужим.

— Не беспокойся. Ты быстро привыкнешь к новому окружению. Это собачий рай. Все собаки попадают сюда после смерти. Здесь у нас нет ни забот, ни печалей.

Рекс рассказал мне, что несколько месяцев назад угодил под машину и, как всякий добродетельный пес, попал в собачий рай.

— А теперь, — сказал он, — позволь представить тебе моих друзей. Это бульдог Том, наш привратник. Когда-то он верой и правдой служил английской королеве, поэтому пользуется у нас большим уважением. Это пудель Глю-Глю. Ты уже видел его. Он прекрасно выдрессирован и часто показывает нам всякие фокусы.

В подтверждение этих слов пудель Глю-Глю перевернулся пять раз в воздухе, а Рекс продолжал:

— Вон того шпица зовут Трезор, а ту овчарку Туба. Моську зовут Альфа, болонку — Бета, а вон та борзая — наша райская гордость, ее зовут Ящерка. На бегах она всегда занимает первое место. Постепенно ты познакомишься и с остальными собаками, потому что мы живем очень дружно.

Не прошло и часа, как я почувствовал себя в собачьем раю почти как дома, даже лучше.

Вдруг ко мне приблизился черный маленький пинчер и подчеркнуто любезно произнес:

— Разрешите представиться. Мое имя — Лорд.
— Очень рад, — ответил я. — Адам Несогласка.

— Как странно, — продолжал пинчер, — что людям непонятен наш язык! Ведь мы говорим довольно внятно. Кроме того, меня всегда удивляло, для чего на некоторых домах висят таблички: «Злая собака». Собаки не бывают злыми. Это клевета! У нас доброе сердце. Мы любим людей. Это они часто поступают с нами несправедливо и жестоко.

— Послушай, Лорд, — прервал его Рекс, — ты не очень тактичен. Пан Несогласка — мой гость. Когда-то он был моим хозяином, и у него я чувствовал себя не хуже, чем здесь, в раю. Как видишь, Адась, — сказал он, обращаясь ко мне, — не всякий Лорд ведет себя, как надлежит лорду. Пойдем, я покажу тебе наш райский город.

Мы сухо раскланялись с Лордом и отправились осматривать собачий рай, о котором я никогда прежде не слышал.

— Мы бежим сейчас по улице Белого Клыка, — сообщил мне Рекс. — Она тянется от Райских ворот до площади Доктора Айболита. Видишь там памятник доктору Айболиту?

Площадь была великолепна. Со всех сторон ее окружали чистенькие белые домишки. Перед ними на мягких подушках нежились только что выкупанные щенята. Некоторые из них играли в мяч, другие грызли сахар, третьи, щелкая зубами, ловили мух. Посреди площади высился большой памятник, а под ним было написано:

*Доктору Айболиту,
спасителю и лекарю зверей
от благодарных собак.*

Памятник был из чистого шоколада, и огромная толпа собак, окружив памятник со всех сторон лизала его. Мы с Рексом протолкались к памятнику. И, как это ни стыдно, я должен признаться, что тоже вместе со всеми стал лизать шоколад. Даже отгрыз у доктора Айболита полбашмака, то есть съел почти полкило шоколада. Ел я с большим аппетитом, так как успел здорово проголодаться.

— Каждый день, — объяснил мне Рекс, — мы съедаем памятник доктору Айболиту и каждый день строим его заново. Шоколада у нас вдоволь, ведь мы в раю.

— А где тут можно напиться? — спросил я. — Ужасно пить хочется.

— Нет ничего легче! — рассмеялся Рекс. — Мы стоим как раз напротив моего особняка. Пойдем, я угощу тебя молоком.

Дом Рекса был из зеленого кафеля. На веранде лежали ковры и подушки, на которых резвились щенята, вероятно дети моего приятеля.

За домом, в саду, росли кусты сарделек и колбасы. Я сорвал кусок краковской колбасы, две сардельки и съел их с большим удовольствием. Под окнами дома я увидел маленькие деревца из кости с чудесным костным мозгом внутри.

Как только мы вошли в гостиную, Рекс подвел меня к стене, открыл кран, и оттуда, к великому моему удивлению, вместо воды прямо в стакан хлынуло молоко. Оно было очень холодное и по вкусу напоминало сливочное мороженое. Я выпил залпом три стакана, и мы с Рексом двинулись дальше осматривать город.

Рекс то и дело с кем-нибудь раскланивался и о каждом встречном находил что сказать:

— Это легавая, госпожа Ноля. Она всегда ходит с зонтиком, хотя у нас не бывает дождей, а солнце светит снизу. А того дога зовут Танго. Он объедается сардельками и пьет касторку. А это таксы Самбо и Бимбо. Они всегда ходят вместе и уверяют всех, что кривые ноги — самые красивые.

Вдруг Рекс остановился и сказал шепотом:

— Смотри! Мы выходим на улицу Мучителей. Сейчас ты увидишь кое-что любопытное.

В самом деле, улица представляла не совсем обычное зрелище. По обеим сторонам ее, на каменных пьедесталах, стояли мальчики разного возраста.

Все они по очереди каялись в своих грехах.

— Я мучитель — я своей собаке Фильке выбил глаз камнем! — кричал один.

— Я мучитель — я своего Джека бросил в яму с известью! — вторил другой.

— Я мучитель — я своей Розетке насыпал в рот перцу! — отзывался третий.

— Я мучитель — я свою собаку Рысь всегда дергал за хвост! — ныл четвертый.

Так каждый из мальчиков признавался в своем преступлении.

Рекс объяснил мне, что мальчишки, которые мучают собак, во сне попадают в собачий рай, а потом возвращаются домой и думают, что это им только приснилось.

Но всякий побывавший на улице Мучителей больше никогда не мучает собак.

Я был счастлив, что никогда не подвергался такому наказанию, хотя не всегда обращался с Рексом, как положено, а однажды даже выкрасил его в красный цвет.

У меня отлегло от сердца, когда, покинув улицу Мучителей, мы вышли на площадь Светлячков.

Здесь я увидел качели, карусели, колесо смеха и прочие собачьи аттракционы. Мне сразу стало весело.

Но вскоре я проголодался, да и Рекс начал с беспокойством ко всему принюхиваться.

— Зайдем перекусим чего-нибудь, — предложил он мне, — а потом отправимся домой обедать.

Он привел меня на Бисквитную улицу, где прямо на мостовой лежали груды пирожных с медом. Пирожные были такие вкусные, что я не мог от них оторваться.

— Воздержись! — предостерег меня Рекс. — Нам, обитателям рая, это не вредит, но ты можешь заболеть.

Мне было интересно, откуда в собачьем раю берутся шоколад, пирожные, мед и другие лакомства; кто строит собачьи дома и памятник доктору Айболиту; кто делает зонты, шляпы, попоны. Но спросить об этом я считал неприличным. Это могло показаться вмешательством в райские дела. На то и существует рай, подумал я, чтобы все появлялось само собой, ниоткуда.

Мы побывали с Рексом во многих интересных местах: в Собачьем цирке, в Собачьем кино, на улице Мыльных пузырей, в переулке Острияков, на улице Повидла, на Собачьих бегах, в Театре Трех пуделей, в оранжерее Каши и Паштета, на плантации Ливерной колбасы, в Щенячьих банях и других райских заведениях.

По дороге мы завернули в парикмахерскую на улице Томатного сока. Два цирюльника с гор Святого Сен-Бернара мастерски нас постригли. Один из них сказал мне с гордостью:

— Вы заметили, что здесь не водятся блохи?

— Разумеется, — ответил я. — У вас тут райская жизнь.

К моему удивлению, за стрижку с нас не потребовали платы, но, уходя, я, по примеру Рекса, благодарно лизнул парикмахера в нос.

Мы вышли на улицу. Солнце все так же пекло. Рекс сказал, что оно здесь никогда не заходит. Когда мы вернулись домой, Рекс согнал с подушек щенят и предложил мне отдохнуть. Мы лежали, мирно беседуя и наблюдая за тем, что творится на площади.

— Как вы различаете дни, — спросил я Рекса, — если солнце у вас никогда не заходит и не бывает ночей?

— Проще простого, — ответил с улыбкой Рекс. — Мы съедаем памятник за один день и столько же времени строим новый. Вместе это соответствует земным суткам. Так мы и ведем счет времени. Неделя — это семь памятников. Месяц — тридцать памятников. Год — триста шестьдесят пять памятников, и так далее. На площади Таблицы умножения живут двести фокстерьеров. Они ведут счет времени и составляют наш собачий календарь.

От Рекса я узнал много любопытных подробностей о загробной жизни собак.

Мне было очень хорошо, и все-таки я затосковал по дому. Мне надоели пирожные, шоколад, колбасы, я мечтал о ложке морковного супа, который так ненавидел раньше. Но больше всего мне хотелось хлеба.

Я с грустью вспоминал об академии пана Кляксы и очень боялся навсегда остаться в собачьем раю.

Однажды я лежал в саду и грелся на солнышке вместе со щенятами Рекса. Мы лежали под кустом сарделек, которые вызывали у меня отвращение.

— Я ворец! Я ворец! — слышался знакомый голос.

Я вскочил на ноги и увидел Матеуша. Он сидел на ветке мозгового дерева и держал в клюве конверт.

— Матеуш! Неужели это ты? — воскликнул я вне себя от радости. — Какое счастье, что ты меня нашел!

Матеуш спустился и подал мне конверт. Письмо было от пана Кляксы. В нем говорилось о том, как я должен управлять своим полетом.

Собаки сбежались посмотреть на Матеуша, и, воспользовавшись этим, я выступил перед ними с речью, в которой благодарил их за радушный прием. Потом, обняв на прощанье моего любимого Рекса и всю его семью, я направился вместе с бульдогом Томом к Райским воротам. Матеуш летел над нами, весело посвистывая.

Я выпросил у Тома пуговицу с его ливреи, окинул прощальным взглядом собачий рай и навеки оставил его гостеприимный порог.

Следуя указаниям пана Кляксы, я легко парил в воздухе.

Долго до меня доносился жалобный лай собак и постепенно затих. Собачий рай, отдаляясь, превратился в маленькое голубое облачко, которое вскоре растаяло в воздухе.

Через несколько часов в лучах заходящего солнца я увидел крыши домов и улицы нашего города.

— Демия на зонте! — крикнул мне на ухо Матеуш.

Это означало: «Академия на горизонте!»

В самом деле, мы увидели академию с окружающей ее оградой и пана Кляксу, который летел нам навстречу. От радости он кувыркался в воздухе и смешно размахивал руками.

С наступлением сумерек мы были уже дома.

Я отсутствовал двенадцать дней.

Не могу описать, какое я испытывал блаженство, вернувшись на землю. Ребята мне очень обрадовались, а пан Клякса взял с меня слово, что я больше никогда не буду летать.

Я дал слово и непременно его сдержу.

Завод дыр и дырочек

Я собирался рассказать вам, как проходят дни в академии пана Кляксы. Я подробно описал один из таких дней, с утра до полудня, то есть урок кляксописания, буквовязания, кухню пана Кляксы и то, как мы искали клад. Я рассказал о моих приключениях в собачьем раю. Все свободное время я отдаю дневнику, а дошел только до четырех часов дня, то есть до того времени, когда мы по указанию пана Кляксы собрались у ворот.

— Мальчики! — сказал нам пан Клякса. — Сегодня мы проведем экскурсию на самый интересный в мире завод. Этим заводом руководит мой друг, инженер Богумил Копоть. Он обещал показать нам все цеха, ознакомить с работой людей и машин. Это будет очень поучительная экскурсия. А теперь постройтесь по четыре в ряд. Пошли!

Анастаси открыл ворота, и мы направились в город.

На площади Четырех Ветров мы сели в трамвай. Мест не хватало. Тогда пан Клякса достал увеличительный насос, немножко расширил трамвай, и мы доехали с полным комфортом. Сначала дорога вела через город, потом мы свернули на набережную и переехали через Музыкальный мост. Пан Клякса сказал, что тяжесть трамвая приводит в движение

механизм, установленный под мостом, и поэтому мост играет. Мост сыграл «Марш оловянных солдатиков».

На другой стороне реки мы увидели небольшой красивый городок. Это были дома заводских рабочих. Мы сошли на последней трамвайной остановке. От нее к заводу вели движущиеся тротуары. Кататься на них было одно удовольствие, хотя мы то и дело теряли равновесие и падали, потому что не привыкли к такому виду транспорта.

На противоположном тротуаре навстречу нам ехал инженер Богумил Копоть.

Это был долговязый человек с растрепанными волосами и острой козлиной бородкой. У него были такие худые ноги и руки, что издалека он походил на огородное чучело.

Поравнявшись с нами, инженер ловко перескочил на наш тротуар и принялся обнимать и целовать пана Кляксу.

— Разреши, дорогой Богумил, познакомить тебя с моими двадцатью четырьмя учениками, — сказал пан Клякса.

— А ворец? — раздался голос Матеуша из кармана скрутка.

— Да, а это мой скворец Матеуш, — добавил пан Клякса, доставая Матеуша из кармана.

Инженер Копоть внимательно на нас посмотрел, погладил Матеуша и сказал, играя своей бородкой:

— Я очень рад тебя видеть, Амброжи, и, конечно, покажу твоим ученикам мой завод дыр и дырочек. Но с условием, ребята, — обратился он к нам, — на заводе ничего не трогать.

Сказав это, он обвил левой ногой правую, сцепил пальцы рук, и мы все вместе молча поехали на завод.

Завод состоял из двенадцати корпусов с прозрачными стенами и стеклянными крышами. Уже издалека мы увидели мощные машины, грохот которых раздавался далеко вокруг.

В первом же цехе мы чуть не ослепли от искр, сыпавшихся с приводных ремней, электрических сверл и токарных станков.

Станки стояли в несколько рядов, а некоторые из них висели в воздухе, подвешенные на канатах. Возле станков суетились рабочие в кожаных фартуках и темных очках.

Работа кипела вовсю. Шум станков заглушал слова инженера Копоти, который что-то объяснял своим писклявым голосом.

Я понял только одно, что в этом цехе делают дырки для ключей, для колец, для ножниц и совсем маленькие дырочки.

Мы с восхищением следили за работой станков и удивлялись мастерству рабочих, которые одним поворотом резца ухитрялись сделать от десяти до двенадцати великолепных дырочек.

Готовую продукцию складывали в маленькие вагонетки, после чего большие подъемные краны переносили их на склад, в соседний корпус.

В других цехах вырабатывали дырки побольше: для локтей, для колен, для мостов и даже для неба. Они были такие большие, что станки, на которых их вытачивали, возвышались до самого потолка и рабочим приходилось вставать на подмости.

Дырки для локтей и колен были с обтрепанными краями. Это требовало от мастеров большого искусства. Инженер Копоть показал нам проекты и чертежи молодых техников-конструкторов, разрабатывавших новый способ производства дыр.

В одном из заводских корпусов находилась сор-

тировочная, где опытные контролеры замеряли и испытывали готовые дыры и дырочки. Треснутые, плохо отшлифованные и прочие бракованные дырки контролеры бросали в большой котел и отправляли на переплавку.

В последнем корпусе находилась упаковочная. Там особые специалисты взвешивали дырки на больших весах и упаковывали по пять или десять штук в коробку.

Инженер Копоть подарил нам две коробки дырок от бубликов. По возвращении в академию пан Клякса приготовил сладкое ванильное тесто и испек нам из дырок много вкусных бубликов.

Мы были в восторге от завода. Глаз нельзя было оторвать от раскаленных докрасна сверл, токарных станков и других сложных установок, названия которых мы не знали.

Когда мы покинули завод, было уже темно. Сквозь стеклянные стены завода вспыхивали целые фонтаны голубых, зеленых и красных искр. Они освещали окрестность, как фейерверки.

— Эх, какая бы вышла из этих искр вкусная еда! — вздохнул пан Клякса.

Инженер Копоть провожал нас до трамвайной остановки. По дороге он очень много рассказывал о себе. Выяснилось, что в свободное от работы время он выступает канатоходцем в цирке, чтобы не разучиться заплетать ногу за ногу.

Когда тротуар довез нас до конца, мы увидели на остановке трамвай. Тот самый, который когда-то починил пан Клякса. Трамвай ни за что не хотел без нас ехать и, когда увидел нас, радостно заскрежетал колесами.

Мы сели в трамвай и поехали, а пан Клякса летел рядом, чтобы в трамвае было свободней.

Долго еще мы видели стоявшего на остановке инженера Копоть. Он махал на прощанье рукой, пальцы которой были заплетены в косички. В наступивших сумерках, на фоне сияющей луны, его длинная тень вытянулась и доставала почти до самого неба.

Вскоре трамвай свернул на улицу Незабудок, и инженер Копоть исчез из виду. Мы снова переехали через играющий мост, который исполнил «Марш мухоморов».

Пан Клякса, вторя ему, мурлыкал под нос.

Уже стемнело, когда мы приехали на площадь Четырех Ветров. Пан Клякса достал из жилетного кармана свечные огоньки и каждому дал по огоньку. Вот так мы и добрались домой, в нашу академию.

Там нас ожидала неприятность.

Во все комнаты, залы, коридоры набились мухи.

Проклятые насекомые, воспользовавшись нашим отсутствием, через открытые окна вторглись в помещение, облепили стены, мебель, потолки и, как только мы вошли, с присущим им нахальством набросились на нас. Они лезли в рот, в нос, в глаза, путались в волосах, кружили черной тучей под потолком, метались из угла в угол. Чтобы перейти из одной комнаты в другую, надо было зажмуриться, задержать дыхание и изо всех сил отбиваться руками. Никогда в жизни я не видел такого скопища мух.

Они летели в полном боевом порядке, как настоящие эскадрильи, и жужжали, как настоящие самолеты. Вожаки выделялись большим размером крыльев, воинственностью и отвагой. Их укусы свидетельствовали о том, что мухи решили драться не на жизнь, а на смерть.

В комнату, где я находился, с громким жужжанием ворвалась королева мух, отдала несколько коротких приказаний своим военачальникам, мимолетом укусила меня в нос и умчалась на другой фланг сражения.

Свет лампы не мог пробиться сквозь черную, нависшую в воздухе тучу. Мы передвигались ощупью, топча и убивая полчища атакующих нас мух, но их ничуть не убывало.

Не помогло и размахивание полотенцами и платками. Вместо убитых поднимались новые полчища и бросались на нас с еще большей яростью.

Пан Клякса перелетал из комнаты в комнату, вел с противником ожесточенную борьбу. Наконец он устал и, глубоко задумавшись, застыл в воздухе, положив ногу на ногу. Мухи тут же облепили его со всех сторон, и он исчез в их окружении.

Это окончательно рассердило пана Кляксу. Он выпорхнул в окно и спустя несколько минут вернулся, неся в руках паука-крестовика. Потом представил к нему увеличительный насос, и вскоре паук достиг размеров кошки. Тогда пан Клякса поднялся в воздух и посадил паука на потолок. Паук тут же стал плести паутину, и вскоре она разделила комнату надвое. Сотни тысяч мух попали в эту ловко расставленную сеть, но ничто не могло ослабить их воинственный дух. Паук с жадностью набрасывался на мух, попавших в паутину, пожирал их целыми отрядами, высасывал из них кровь, давил своими огромными мохнатыми лапами. Но скоро он насытился, и действие насоса сразу прекратилось. Паук снова стал маленьким, уменьшилась также и его паутина, и мухи в мгновение ока разорвали его в клочки, отомстив за гибель своих боевых товарищей. А королева мух сняла с него крест,

как скальп, и унеслась со своим трофеем, издавая победный воинственный клич.

Тогда пан Клякса призвал нас к себе и сказал, что придумал новый вид мухоловок, которые очистят нашу академию от подлых захватчиков.

Он принес в зал большой таз с водой, тубик гуммиарабика, мыло и стеклянную трубку. Мы прикрыли его от мух, а пан Клякса тем временем развел в тазу с водой клей и мыло, взял трубку и стал пускать мыльные пузыри. Один за другим пузыри поднимались в воздух.

Эти мухоловки принесли небывалые результаты.

Мухи, привлеченные радужной оболочкой пузырей, бросались на них и сразу приклеивались. Не в силах оторваться, они вместе с пузырями падали на пол. Пан Клякса работал не покладая рук. Он пускал все новые и новые пузыри, а мы, вооружившись метлами, выметали мух из помещения на улицу.

Вскоре все комнаты и коридоры наполнились мыльными пузырями.

Час спустя во всей академии не было уже ни одной мухи, только несколько красивых мыльных пузырей витало в воздухе, над головой.

Мертвых мух мы сложили во дворе в большие черные кучи, а на следующее утро из треста по очистке города приехали три грузовика и вывезли эту мерзость на свалку.

Так окончилась война пана Кляксы с мухами.

Только одно озадачило нас тогда. Когда большая часть мух была уничтожена, в кабинете пана Кляксы мы увидели спящего на диване парикмахера Филиппа. Сначала мы его не заметили — мухи облепили Филиппа с ног до головы, — потом кто-то из ребят увидел его. Мы удивились,

как это он может спать в таких условиях. Парикмахер громко храпел, и этот храп говорил о том, что снится Филиппу не очень приятный сон.

Уничтожив мух, пан Клякса разбудил парикмахера, велел нам выйти, а сам заперся с ним в кабинете, и они о чем-то долго разговаривали.

Через некоторое время дверь кабинета с шумом отворилась, оттуда выскочил очень сердитый Филипп и заявил пану Кляксе:

— Можете искать другого парикмахера! Я не стану стричь ни вас, ни ваших ученичков! Хватит с меня обещаний! Я приведу его на этой неделе! Это мое последнее слово! Именно ему и надо учиться в академии, а не этим вашим оболтусам. До свиданья, пан Клякса! — И, не обращая на нас никакого внимания, он ушел из академии, громко хлопая дверьми.

Вскоре из сада донесся его зловещий хохот. При свете луны мы увидели, как он выбежал за ворота на улицу.

Ужинали мы очень поздно. Пан Клякса все время о чем-то думал. Он был так рассеян, что приготовленную для нас цветную капусту выкрасил в черный цвет, а по вкусу она напоминала печеные яблоки.

После ужина пан Клякса велел двум Анджеям принести в спальню две кровати и постелить. Он сказал, что со дня на день ожидает новых учеников.

Когда Анджеи исполнили поручение, мы отправились в спальню и вскоре погрузились в глубокий сон.

На этом кончается описание одного дня, проведенного в академии пана Кляксы.

Сон про семь стаканов

Первого сентября произошли очень важные события. Было воскресенье, и каждый занимался любимым делом. Артур учил своего дрессированного кролика считать, Альфред вырезал дудку, Анастази стрелял из лука по мишени, один из Антониев, сидя на корточках возле муравейника, изучал жизнь муравьев, Альберт собирал желуди и каштаны, а я играл со своими пуговицами и строил из них всякие фигуры.

Пан Клякса был не в духе. После ссоры с Филиппом он вообще сильно изменился. Я не понимал, что может связывать пана Кляксу с Филиппом. Меня удивляло, как это парикмахер, поставщик веснушек, осмелился кричать на пана Кляксу и хлопать дверьми. Что ни говори, а с этого дня все в академии пошло кувырком. Пан Клякса стал немного ниже ростом, сильно помрачнел и все дни напролет чинил свой увеличительный насос. Уроки все чаще вместо него вел Матеуш. В кухне у пана Кляксы подгорала еда, раскрашивал он ее в какие-то безвкусные цвета, а всякий раз, заслышав звонок в ворота, подбегал к окну и нервно теребил бровь.

В тот день, о котором я рассказываю, я составил из пуговиц фигуру зайца. Пан Клякса подошел ко мне, склонился над зайцем и посыпал его бронзовым порошком. Заяц ожил, вскочил на ноги и юркнул в дверь, утачив все мои пуговицы.

Это позабавило пана Кляксу, он громко рассмеялся, но тут же помрачнел и сказал:

— Что толку знать тайны красок, порошков, стеклышек, если я не в силах справиться с этим негодным Филиппом! Да, он принесет мне немало горя и забот!

Меня удивили слова пана Кляксы. Я не знал, что взрослый человек может быть таким беспомощным.

Пан Клякса угадал мою мысль, наклонился и сказал мне на ухо:

— Одному тебе могу довериться, потому что ты мой лучший ученик. Филипп хочет, чтобы я принял в академию двух его сыновей. В противном случае он грозит отнять у нас все веснушки. Он даже придумал своим мальчикам имена на букву «А». Чует мое сердце, это плохо кончится.

Тут пан Клякса вынул из кармана горсть пуговиц, швырнул на пол, так что они сами образовали фигуру зайца, и, прыгая на одной ноге, вышел из комнаты.

Этот разговор меня очень удивил. Я решил разыскать Матеуша и разузнать во всех подробностях, почему пан Клякса боится Филиппа.

По воскресеньям Матеуш обычно улетал в сказку про Соловья и Розу, на урок соловьиного пения. Я пошел в парк, надеясь встретить Матеуша, когда он будет возвращаться.

Войдя в парк, я услышал странный шум. Листья шуршали, кусты качались, трава колыбалась, словно полчища невидимых существ передвигались по земле, минуя аллеи и тропинки.

Я побежал на шум и очутился у пруда. Только тут я понял, что произошло. Воды в пруде не было. Рыбы в отчаянии бились об илистое дно, а бесчисленное множество лягушек и раков уходило искать себе новое пристанище.

Я двинулся рядом с процессией и увидел впереди большую лягушку с маленькой короной на голове. Это была уже знакомая мне Царевна-лягушка.

— Я узнала тебя, мальчик. Ты недавно был в моей сказке и произвел на меня хорошее впечатление. Видишь, какое случилось несчастье? Пан Клякса почему-то выкачал всю воду из пруда, оставив его обитателей на произвол судьбы. Я покинула свой подземный дворец, чтоб помочь им. Лягушка, даже если она из другой сказки, скорее поймет лягушку, нежели пан Клякса.

— А куда ты их ведешь, Царевна-лягушка? — спросил я, растроганный ее словами.

— Сама не знаю, — ответила она. — То ли в сказку про заколдованное озеро, то ли в пруд из сказки про Зеленую русалку.

— Мы хотим в пруд! — загалдели хором лягушки.

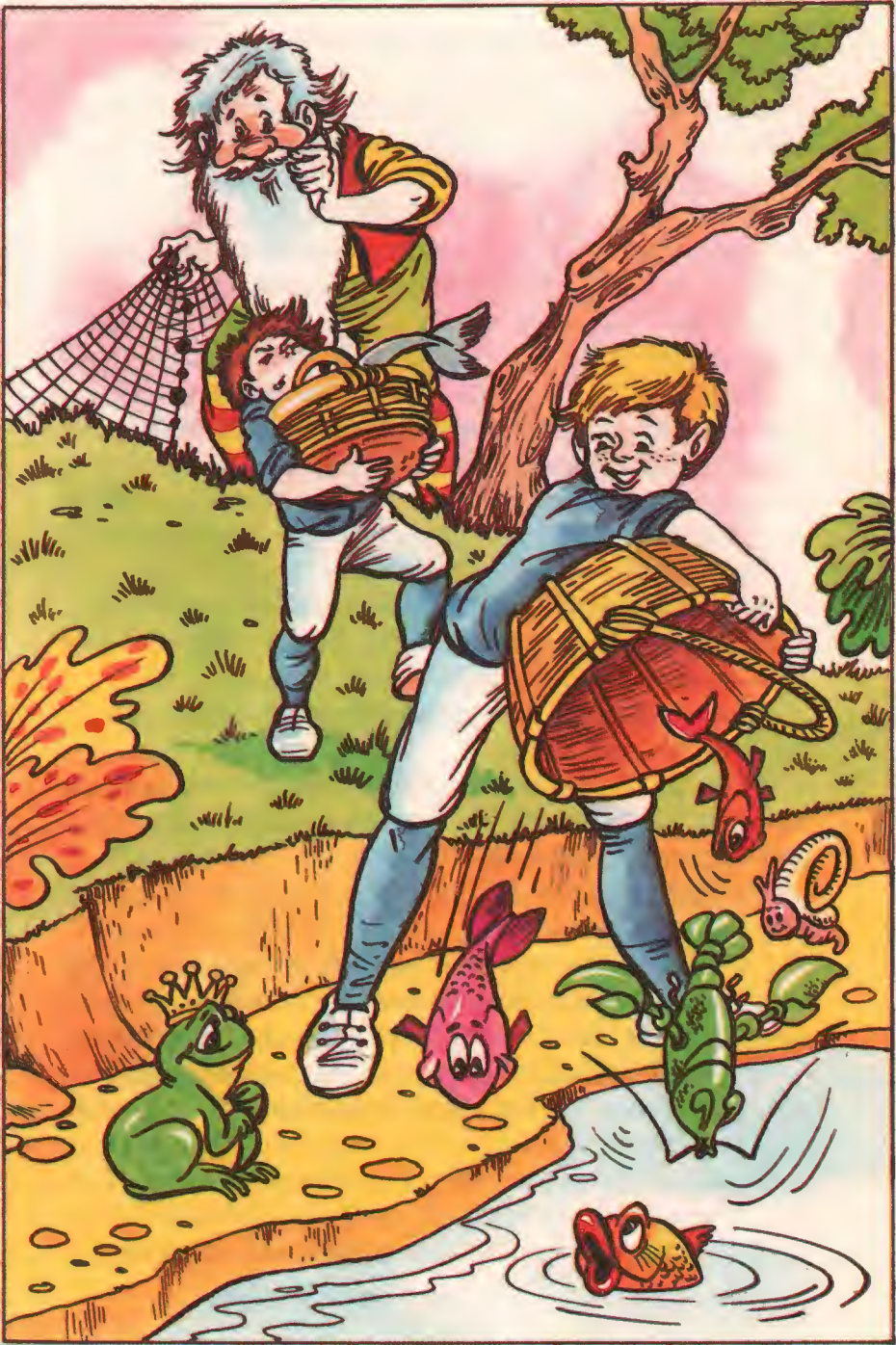
Они прыгали так высоко, что это было похоже на лягушиный цирк, если такой бывает.

Раки шли молча, немного поодаль, с трудом двигая клешнями. Их было очень много. Гораздо больше, чем лягушек. Некоторые из них совершенно запарились и стали красными, будто их ошпарили кипятком.

Глаз нельзя было оторвать от этой печальной процессии. Но я вовремя вспомнил про рыб, оставшихся без воды, и, попрощавшись, побежал к ним. Царевна-лягушка окликнула меня жалобным голосом:

— Адашь, не уходи, послушай! Помнишь, я дала тебе ключик? Верни мне его. Без него я не попаду ни в одну сказку. Прошу не ради себя, а ради этих несчастных.

— Ключик? — переспросил я. — Ключик? Я с радостью верну его тебе. Он мне совсем не нужен. Только бы вспомнить, куда я его дел. Кажется, он остался у пана Кляксы. Подожди, я сейчас сбегаяю.

Я не знал, с чего начать. Мне искренне хотелось помочь лягушкам, но еще больше меня беспокоили рыбы. Я помчался в академию, по дороге встретил ребят и рассказал им о случившемся. Рыб они взяли на себя.

Пана Кляксу никто из них не видел. Я обежал всю академию, но ни в кабинете, ни в классах, ни в зале, ни на кухне его не было. Тогда я поднялся наверх и заглянул в лечебницу больных вещей.

Пан Клякса был там. Но чем он занимался, вообразить трудно. Крошечный, не больше Мальчика с пальчик, он, уцепившись за маятник ножками и ручками, учил часы ходить. Он раскачивался на маятнике, как на качелях, и без умолку твердил:

— Тик-так, тик-так, тик-так!

В это время раздался бой часов, и пан Клякса стал вторить ему густым басом:

— Бим-бам-бом!

Увидев меня, он спрыгнул с маятника и тут же на моих глазах вырос.

— Вечно вы мне мешаете! — сказал он сердитым голосом. — Чего тебе? Не видишь разве — я занят, учу часы разговаривать.

Но тут же взял себя в руки и сказал обычным ласковым голосом:

— Прости, Адасы! Не смотри на меня так. Во всем виноват Филипп. Он меня погубит. Я стал уменьшаться. Мне все трудней сохранять свой рост. А тут еще одна неприятность. Свечные огоньки загорелись у меня в кармане. Пришлось их заливать водой. Тяжело все это, ох как тяжело! Прошу, если любишь меня, никому не рассказывай об этом. Ладно? А что привело тебя ко мне?

Я рассказал пану Кляксе о том, что он наделал,

выкачав воду из пруда, и попросил вернуть мне ключик.

Мой рассказ очень огорчил пана Кляксу.

— Жаль! Очень жаль! — сказал он, помолчав. — Лягушки не будут больше складывать нам стишки. Но у меня не было другого выхода. Если бы я не погасил огоньки, вся академия сгорела бы дотла. Придется сделать себе несгораемый карман. Как же быть с рыбами? Ладно, что-нибудь придумаем!.. Да, ты просил вернуть тебе ключик... сейчас... сейчас...

Он стал шарить по карманам.

— Знаешь, — сказал он шепотом, — у меня еще одна неприятность. После истории с Филиппом мои карманы стали глубже. Я с трудом достаю дно... Вот, наконец-то ключик нашелся! На, передай Царевне-лягушке и извинись за меня.

Тут он снова уцепился за маятник и стал рассказывать, повторяя:

— Тик-так, тик-так, тик-так.

Я вернулся в парк и положил ключ к ногам Царевны-лягушки.

— Я тебе очень признательна, — сказала Царевна-лягушка. — В награду за ключ возьми Лягушонка-Послушонка. В трудную минуту он тебе поможет.

Она сказала несколько слов по-лягушачьи. Из толпы выскочил маленький лягушонок, величиной с муху. Он был ярко-зеленого цвета и блестел, как лакированный.

— Возьми его, — сказала Царевна, — спрячь в волосы и каждый день давай ему по одному рисовому зернышку.

Я взял лягушонка, посадил к себе на голову, поблагодарил Царевну и, перепрыгивая через лягушек и раков, побежал к пруду. Там я увидел пана

Кляксу, окруженного ребятами. Он выглядел хорошо, но был чуть меньше ростом.

По его указанию ребята принесли несколько больших корзин и сложили туда рыб.

— За мной! — скомандовал пан Клякса.

Сгибаясь под тяжестью корзин, мы прошли по каштановой аллее, пробрались через заросли малины и вышли к ограде. Пан Клякса остановился перед дверцей с надписью «Сказка о рыбаке и рыбке» и открыл замок. Уже издали мы увидели Рыбака, закидывающего в море невод. Рыбак улыбнулся и, не вынимая изо рта глиняной трубки, поздоровался с нами.

Мы бросили рыб в море, а потом по совету Рыбака выкупались. День стоял жаркий, и вода была очень теплая.

Когда мы вернулись к пруду, лягушек и раков там уже не было. По влажному илу ползали лишь черви да улитки.

Вдруг над нами появился Матеуш. Он был очень взволнован и кричал что есть мочи:

— Душный рик! Душный рик!

Пан Клякса первый догадался, в чем дело, и посмотрел на небо. Потом он тоже закричал:

— Воздушный шарик! Воздушный шарик!

Высоко в небе показалась маленькая точка. Она быстро приближалась, и вскоре мы явственно увидели голубой шарик с привязанной к нему корзиной.

Пан Клякса очень радовался, потирал от удовольствия руки и все время повторял:

— Мой глаз летит с Луны!

Когда шарик опустился, пан Клякса отклеил пластырь и вставил глаз на место.

— Нет! Это что-то невероятное! — воскликнул

он, захлебываясь от восторга. — Такого еще никто не видывал! Ну и ну! Ну и чудеса! Жизнь на Луне занимательней любой сказки.

Мы с завистью смотрели на пана Кляксу, а он упивался картинами, которые запечатлел его глаз, побывавший на Луне.

Наконец пан Клякса овладел собой и сказал:

— Сказка про лунных жителей затмит все сказки на свете! Дайте только время.

— А может быть, вы ее сейчас расскажете, пан профессор? — предложил Анастаси.

— Всею своя пора! — ответил пан Клякса. — В особенности сказкам. А теперь пойдем обедать. После обеда я прочитаю вам сон, который приснился Адасю Несогласке.

Услышав это, ребята очень обрадовались.

Мы наскоро пообедали и собрались в школьном зале.

Пан Клякса сел за кафедру, раскрыл толстую книгу, содержащую описание лучших снов, и начал читать:

— *Сон про семь стаканов.*

Мне снилось, что я проснулся.

Пан Клякса превратил все стулья, столы, табуретки, кровати, вешалки, шкафы, полки и другие вещи в мальчиков, так что всех вместе нас было больше ста учеников.

— Сегодня мы поедем в Китай, — сообщил нам пан Клякса.

Я выглянул в окно. Во дворе стоял маленький поезд, составленный из спичечных коробков, а паровозом служил голубой эмалированный чайник. Он был на колесах, и из него валил пар.

Мы сели в вагоны, и, как ни странно, все уместились.

Пан Клякса сел верхом на чайник, и поезд загудел к отправлению. Вдруг в небе появилась огромная туча. Поднялся страшный ветер. Он перевернул все вагоны, то есть спичечные коробки. Надвигалась гроза.

Тогда я побежал на кухню, достал из буфета семь стаканов, поставил на поднос, вытащил из сарая лестницу и принес все это во двор.

Пар, валивший из чайника, соединялся с тучей, она угрожающе росла, и пан Клякса тщетно пытался заткнуть пальцем носик чайника.

— Адашь, спаси мой поезд! — воскликнул пан Клякса, подпрыгивая вместе с крышкой чайника.

Я приставил лестницу к стене и, держа в левой руке поднос со стаканами, поднялся на самый верх.

Когда я достиг последней перекладины, лестница вдруг вытянулась и оперлась на тучу, так что я легко мог достать до нее рукой.

Я взял ложку, которую тоже захватил на кухне, и стал разрыхлять тучу.

Сначала я собрал в первый стакан дождь, потом соскоблил снег и насыпал во второй стакан. В третий стакан я собрал град, в четвертый — гром, в пятый — молнию, в шестой — ветер.

Таким образом, я собрал в стаканы всю тучу, снял ее с неба, как снимают пенку с молока, и небо сразу прояснилось.

Я не понимал только, зачем мне седьмой стакан.

Когда я спустился вниз, поезда на месте не оказалось. Мальчики превратились в серебряные вилки и лежали рядом на земле.

Только пан Клякса по-прежнему сидел верхом на чайнике, пытаясь заткнуть его носик.

Я поставил поднос на землю и накрыл платком, как делают фокусники в цирке.

— Что ты наделал! — закричал пан Клякса. — Ты похитил тучу. Теперь никогда не будет ни дождя, ни снега, ни даже ветра. Мы погибнем от зноя.

Я взглянул на небо. На нем не было ни облачка. И вдруг я понял, что это не небо, а голубой эмалированный чайник, точно такой же, на каком сидит пан Клякса, только гораздо больше. Из чайника на землю струились лучи солнца, вернее золотой кипяток. Жара становилась невыносимой.

Пан Клякса не выдержал и стал быстро раздеваться, но на нем было столько куртуков, что раздеванию, казалось, не будет конца. Вдруг я заметил, что из волос пана Кляксы повалил дым. Я испугался, что пан Клякса сгорит, и, схватив с подноса стакан с дождем, вылил пану Кляксе на голову. Хлынул проливной дождь. Он шел снизу вверх, как бьющий из земли фонтан.

— Снега! — кричал пан Клякса. — Снега, а то стору!

Я схватил второй стакан, зачерпнул ложкой снег и стал обкладывать голову пана Кляксы.

Неожиданно снег стал разлетаться по парку. Изпод снега выскочили серебряные вилки и, бегая как сумасшедшие, стали играть в снежки. Я узнавал в них поочередно то Артура, то Альфреда, то Анастаси, то еще кого-нибудь из ребят.

Вилки подняли такую метель, что ничего не было видно. Тогда я решил сдуть снег ветром. Я взял третий стакан и выплеснул оттуда ветер.

Трудно передать, что это был за ветер. Он дул одновременно со всех сторон и сметал все, что попадалось на пути. Он развеял снег и поднял вилки так высоко, что они повисли в небе, как звезды. Стало очень холодно. Я взглянул на пана Кляксу и

в первую секунду даже не узнал его. Он превратился в снежную бабу и весело распевал:

*Едет, едет Дед Мороз,
Тянет снега целый воз.*

Я решил, что пан Клякса отморозил себе ум, и дал ему подержать чайник, как грелку.

Снег растаял, стало тепло, и пан Клякса расцвел.

Сначала у него появились почки, потом листья, а потом он весь с головы до ног покрылся цветами. Он срывал их с себя, громко чавкая, ел и во все горло распевал:

*Вот когда я съем все это,
Превратится осень в лето.*

Но хорошего настроения хватило ненадолго. Пчелы, привлеченные цветами, окружили пана Кляксу со всех сторон, а одна даже ужалила его. Пан Клякса ахал и охал, а из глаз у него текли густые капли меда.

Недолго думая я схватил четвертый стакан, с градом. Град был похож на крупную дробь.

Я высыпал град на ладонь и стал натирать им лицо пана Кляксы. Ему сразу полегчало.

В это время эмалированный чайник в небе повернулся закопченным дном книзу. Наступила темнота. Только серебряные вилки ярко мерпали.

Тогда я вынул из пятого стакана молнию, выпрямил ее, как свечку, и воткнул в землю.

Молния давала столько света, что было видно, как днем.

— Я хочу есть! — вдруг капризно произнес пан Клякса.

У меня ничего не было, кроме стакана с громом.

— Отлично! — воскликнул пан Клякса. — Нет ничего вкуснее грома! Подай-ка сюда!

Я достал гром и подал пану Кляксе. Это был большой красный шар, похожий на гранат.

Пан Клякса достал из кармана перочинный ножик, снял с грома кожуру, разделил на дольки и, причмокивая языком, съел.

Вдруг раздался страшный грохот. Пан Клякса взорвался и разлетелся на мелкие кусочки. Каждый из них превратился в самостоятельного пана Кляксу. Они очень весело приплясывали на траве и смеялись тоненькими голосами.

Я взял одного из них, положил в седьмой стакан и отнес в академию.

Вдруг, откуда ни возьмись, с громкими воплями в форточку влетели серебряные вилки и стали отнимать у меня пана Кляксу.

Я изловчился, поставил стакан в буфет и захолопнул дверцу.

Тут я и проснулся.

Перед собой я увидел настоящего, живого пана Кляксу. Он рассматривал мое сонное зеркальце и, теребя бровь, приговаривал:

— Сон про семь стаканов... любопытно... сон про семь стаканов... ну и ну!..

Анатолий и Алоизи

Весь сентябрь шли проливные дожди. Кончились игры на площадке в парке, мы не выходили из дому. Пан Клякса был угрюм и неразговорчив. Одним словом, в академии стало очень скучно.

Однажды вечером пан Клякса заявил, что не

может жить без бабочек и цветов и поэтому будет раньше ложиться спать.

Мы с ним попрощались и тоже отправились в спальню.

— Мне скучно, — вздохнул один из Александров.

— Мне кажется, — сказал вдруг Артур, — что у пана Кляксы случилось несчастье. Вы заметили, что он стал ниже ростом?

— Да, да! — подтвердил один из Антониев. — Пан Клякса уменьшился.

— А может, у него испортился увеличительный насос? — высказал предположение Анастаси.

Я не принимал участия в разговоре. Мне очень хотелось спать. Я лег в постель и тут же уснул.

Мне приснилось, что я молоток и пан Клякса разбивает мною пуговицы. Стук молотка раздавался по всей академии. Я проснулся, но удары молотка по-прежнему отдавались у меня в ушах. Я прислушался и понял, что стучат в ворота.

Тогда я разбудил Анастаси, и мы, накинув плащи, выбежали во двор. За воротами мы увидели парикмахера Филиппа с двумя неизвестными мальчиками. Все трое до нитки промокли. Анастаси открыл ворота и впустил ночных посетителей.

— Знакомьтесь! Новые ученики пана Кляксы! — сказал Филипп и расхохотался. — Будущая гордость знаменитой академии, ха-ха! Одного зовут Анатоль, другого Алойзи. Оба на «А», ха-ха! Анатоль, поздоровайся, покажи, что ты воспитанный мальчик!

Один из мальчиков кивнул нам головой и сказал:

— Я Анатоль Кукареку. А это мой младший брат Алойзи. — Он указал на другого мальчика, которого они с Филиппом вели под руки.

— Мы очень рады познакомиться, — вежливо сказал Анастаси. — Но зачем стоять под дождем? Входите, пожалуйста.

Мы оставили мокрые плащи в прихожей и отвели гостей в столовую. Видно, они очень устали, потому что Алойзи сразу уснул, качаясь на стуле, как китайский болванчик.

Филипп сказал, что хотел привести ребят вечером, но долго плутал и только в полночь разыскал Шоколадную улицу.

— Вы, наверно, проголодались? — сказал я. — Я пойду разбужу пана Кляксу и скажу о вашем прибытии.

— Да, да, обязательно разбуди пана Кляксу! — воскликнул Филипп и снова расхохотался. — У меня припасены для него свеженькие веснушки, ха-ха! Вы ведь хотите увидеть пана Кляксу, ха-ха! А, Анатоль?

— Это для нас большая честь, — вежливо ответил мальчик.

Я поднялся наверх и постучал в спальню пана Кляксы. Никто не отозвался. Я постучал сильнее. Снова молчание. Тогда я постучал третий раз. Пан Клякса продолжал спать или просто не хотел отзываться. Я подергал дверь. Она была заперта. Я постучал что есть силы в надежде, что разбужу Матешу. Но мне никто не отвечал.

Тогда я решил пойти на кухню и сам приготовить гостям ужин. Я достал из кладовки крынку молока, хлеб, масло, кусок сыра и жареную курицу, поставил все на поднос и открыл буфет, чтобы достать приборы. Вдруг я заметил в одном стакане что-то серое. Я подумал, что это мышь, и, накрыв стакан ладонью, поднес к свету. То, что я увидел, привело меня в неопиcуемый ужас. В стакане си-

дел пан Клякса, крохотный пан Клякса. Я ясно увидел его лицо, его странный костюм, даже веснушки на носу. Он сидел в стакане как ни в чем не бывало и спал.

Осторожно двумя пальцами я вынул его оттуда и положил на тарелку. Прикосновение к холодному фарфору разбудило его. Он вскочил на ноги, огляделся по сторонам, достал насос, приставил к уху и тут же стал увеличиваться. Потом спрыгнул с тарелки на стул, со стула на пол и превратился в пана Кляксу нормальных размеров.

Я стоял ошеломленный, не зная, что делать.

Пан Клякса посмотрел на меня с досадой и сердито проговорил:

— Это сон! Понимаешь? Дурацкий сон! Совершенный бред! Я запрещаю тебе об этом рассказывать! Пан Клякса тебе запрещает! Понятно? И чтоб больше такие сны не повторялись!

Я попросил прощения у пана Кляксы — что мне оставалось делать? — потом рассказал ему о прибытии Филиппа с мальчиками.

— Управитесь и без меня, — сказал пан Клякса. — Накорми их и уложи спать, а утром я с ними поговорю. Филиппу можешь постелить в моем кабинете, на диване. Спокойной ночи! — И он вышел, хлопнув дверью.

Я выбежал следом и видел, как он въезжал по перилам наверх.

«Ну и дела творятся в академии!» — подумал я, возвращаясь на кухню. Я взял поднос с едой и отнес в столовую.

Алойзи продолжал спать. Филипп и Анатолий принялись есть, не обращая на него никакого внимания.

— Не разбудить ли вашего брата? — спросил

Анастаси Анатоля. — Он ведь тоже, наверно, голоден.

— Нет, нет, не надо, — ответил Анатоль. — Сон вполне заменит ему еду. Алойзи терпеть не может, когда его будят.

— Вот увидите, ребята, этот спящий царевич станет гордостью вашей академии! — хихикнул Филипп, уплетая курицу.

После ужина Анастаси проводил Филиппа в кабинет, а я отправился в спальню приготовить постель мальчикам.

Только я кончил стелить, как в дверях показались Анастаси и Анатоль. Анатоль нес на руках спящего братишку.

— Он не любит, чтобы его будили, — снова сказал Анатоль. — Не надо его раздевать, пусть спит одетый.

Мы осторожно уложили Алойзи в кровать, потом сами разделись и крепко уснули.

Проснулся я довольно рано, толкнул спящего рядом Альфреда и рассказал о прибытии новых учеников. Альфред разбудил Артура, Артур — Александра, и через несколько минут спальня гудела, словно пчелиный улей.

Когда Матеуш пришел нас будить, мы все уже были на ногах.

Ребята с любопытством разглядывали новеньких. Анатоль проснулся от нашего шума, а его братишка Алойзи продолжал спать.

Вдруг дверь отворилась, и вошел пан Клякса.

— Доброе утро, мальчики! — сказал он весело. — Ну-ка, где тут новенькие?

— Я здесь, пан профессор. Меня зовут Анатоль Кукареку, а это мой младший брат.

Пан Клякса молча взглянул на Анатоля и подошел к Алойзи.

Он немного постоял над ним, о чем-то размышляя, потом наклонился и крикнул Алойзи на ухо:

— Тебя зовут Алойзи, да?

Алойзи даже не дрогнул.

— Ты слышишь меня, Алойзи? — повторил пан Клякса.

Алойзи лежал не шевелясь.

Пан Клякса приподнял ему веки, посмотрел в глаза, стал тереть ему щеки, лоб, хлопать по рукам.

Алойзи не просыпался.

— Так, так! — пробормотал про себя пан Клякса. — Оказывается, Алойзи не человек, а кукла. Я всегда был против приема кукол в мою академию. Но теперь уже поздно. Алойзи был приведен ночью, обманным путем. Да, с ним придется повозиться. Его придется научить думать, чувствовать, говорить. Что ж, попробуем. Адашь, возьми в помощь Альфреда, двух Антониев и перенесите Алойзи в лечебницу больных вещей. Сегодня уроков не будет. Я занят. Если нет дождя, пойдите с Матеушем в парк.

Он повернулся и вышел из комнаты.

Мы решили тут же перенести Алойзи. Ничья помощь мне не понадобилась: Алойзи был легче пушинки. Когда я взял его на руки, меня окружили ребята и стали его разглядывать. Если бы не эта легкость и неподвижность, Алойзи ничем не отличался бы от живых людей. Голова, волосы, лицо, губы, глаза, лоб, нос, подбородок, руки и даже ногти на пальцах — все было как настоящее. С первого взгляда невозможно было догадаться, что Алойзи кукла.

Его лицо и руки были сделаны из теплой эластичной массы, похожей на человеческое тело.

Изобретатель этой необыкновенной человекоподобной куклы был достоин всяческого восхищения.

Мы были в восторге. Нам было интересно, сумеет ли пан Клякса оживить Алойзи и подружимся ли мы с куклой, когда она оживет.

Молчавший до этого Анатолий включился в разговор и очень толково стал объяснять устройство куклы, которую он любил, как брата. Воспользовавшись этим, я потихоньку отнес Алойзи наверх, в лечебницу больных вещей. Пан Клякса давно с нетерпением меня ждал.

— Положи его на стол, — сказал он, — когда я вошел. — Надо немедленно взяться за работу.

— А можно мне остаться? — спросил я робко.

— Даже нужно! — ответил пан Клякса. — Мне понадобится твоя помощь.

Так как мы не завтракали, пан Клякса сначала угостил меня таблетками для ращения волос, после чего велел мне раздеть Алойзи.

Оказалось, что все тело куклы покрыто тонким слоем розоватого металла.

Пан Клякса достал из кармана банку с мазью и сказал:

— Натирай Алойзи до тех пор, пока под металлической кожей не проступят кровеносные сосуды. Вооружись терпением, работать придется долго. Начни с ног, а я пока займусь легкими и сердцем.

Мы работали несколько часов подряд. Пан Клякса снял пластинку, прикрывавшую грудную клетку, и долго копался в механизме.

У меня от натирания совсем онемели руки, но я добился своего. Под металлической кожей мало-помалу выступили жилки и кровеносные сосуды.

— Довольно, — сказал пан Клякса, не глядя в мою сторону. — Теперь займись руками.

Я стал натирать мазью плечи и руки Алойзи. Кончил я работу одновременно со звонком на обед.

Пан Клякса, раскрасневшийся от удовольствия, распрямил плечи, привинтил обратно пластинку и сказал восторженно:

— Красота! Блеск! Иди обедать, а я ему, голубчику, пока мозги вправлю.

Я нехотя покинул лечебницу и отправился в столовую. Первым подбежал ко мне Анатоль, за ним все остальные ребята. Они забросали меня вопросами:

— Алойзи уже ходит?

— Он говорит?

— Что делает пан Клякса?

— Когда он спустится вниз?

— А что у Алойзи в голове?

— Он научился думать?

Я рассказал по порядку все, что видел, и принялся за еду, чтобы поскорей вернуться назад в лечебницу.

Когда я доедал третье, в коридоре послышались шаги. Двадцать пар глаз устремились на дверь.

Она тихо отворилась, и перед нами предстал Алойзи, поддерживаемый паном Кляксой.

Робко и неумело перебирая ногами, он шел прямо к нам, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону и неестественно размахивая левой рукой.

— Вот он! — воскликнул торжествующе пан Клякса. — Познакомьтесь с новым товарищем.

— Добрый день, Алойзи, — произнес Анатоль, с восхищением глядя на куклу.

— Здравствуй, — ответил Алойзи, отчеканивая каждый слог.

— Скажи, как тебя зовут! — крикнул ему на ухо пан Клякса.

— А-лой-зи Кук-ку-ку-ку... — закуковал он вдруг, повторяя первый слог своей фамилии.

Пан Клякса открыл ему рот, завинтил какой-то винтик под языком.

— Ну-ка, еще разок попробуй.

Кукла облегченно вздохнула и ответила более плавно:

— Алойзи Ку-ка-ре-ку. Меня зовут Алойзи Ку-кареку.

— Прекрасно! — захлопал в ладоши пан Клякса. — Изумительно! А теперь садись за стол. Мальчики, дайте ему что-нибудь поесть.

Алойзи таким же медленным, осторожным шагом приблизился к столу, уселся на стул и сказал глухим голосом:

— Дай-те мне есть.

Один из Антониев подал ему тарелку с макаронами и вилку.

Алойзи зажал вилку в кулак и стал есть. Ел он очень неуклюже, макароны падали на пол, вываливались изо рта. Но те, что попадали в рот, он с удовольствием жевал и проглатывал.

— Вкусно! — сказал он, когда тарелка опустела.

Он очень быстро научился есть, ходить, разговаривать.

Через час он уже составлял сложные предложения. А вечером завел с паном Кляксой долгий разговор про академию.

На другой день мы повели его гулять в парк. Ходил он уже как все и даже попробовал бежать с Анатолом наперегонки, но зацепился ногой за ногу и упал.

Он научился есть ножом и вилкой, а на третий день сам умылся, причесался и оделся.

Через неделю никому бы в голову не пришло, что Алойзи обыкновенная кукла, оживленная панном Кляксой.

Сказка про лунных жителей

Когда мы утром, как обычно, принесли пану Кляксе наши сонные зеркальца, он торжественно объявил:

— Слушайте, мальчики! Завтра ровно в одиннадцать часов утра у нас начнется большой праздник. Вы, наверно, догадываетесь, в чем дело. Я расскажу о том, что мой правый глаз видел на Луне, то есть сказку про лунных жителей. Я пригласил на праздник все соседние сказки и втрое увеличил школьный зал, чтобы всем хватило места. На сегодня назначаю уборку. Вы должны быть причесанными, нарядными и красивыми. В академии должен быть образцовый порядок. За указаниями обращайтесь к Матеушу. Я буду готовить угощение. Прошу мне не мешать. Надеюсь, я могу на вас рассчитывать?

— Можете, пан профессор! — ответили мы хором.

И тут же взялись за работу.

Одни выколачивали кресла и диваны, другие вытряхивали ковры и дорожки, третьи натирали мастикой пол и чистили обувь, четвертые мылись. Словом, работа кипела вовсю.

Матеуш все время кружил над нами, заглядывал во все щели, поторапливал нас, следил, чтобы мы все выполняли добросовестно.

Работа шла полным ходом, и, казалось, ничто не могло ей помешать.

Но вышло иначе.

На чистом, недавно натертом полу в кабинете пана Кляксы невеста откуда появилась чернильная лужа. Из подушек, проветривавшихся во дворе, вырвался пух и облепил все ковры, диваны, кресла, одежду, так что все пришлось чистить заново. Казалось, чья-то невидимая рука разрезала подушки ножом. Но это еще не все. Постели, занавески, белье в спальне были перепачканы сажей. Один из Адамов, присев на диван, разорвал штаны, потому что под обивкой дивана торчали острые гвозди.

Стулья были вымазаны клеем. В ванной кто-то пооткрывал краны, и вода залила не только ванную, но и кухню, так что пану Кляксе пришлось надеть глубокие галоши.

Мы никак не могли понять, чьих это рук дело. Было обидно, что вся работа идет насмарку, и мы подозрительно косились друг на друга.

После обеда все выяснилось.

Поднимаясь на второй этаж, Артур увидел в открытую дверь, что Алойзи перерезает ножницами электропроводку. Артур тотчас позвал меня. Увидев нас, Алойзи глупо рассмеялся, но продолжал свое гадкое занятие.

Я вырвал у него из рук ножницы. Это его так взбесило, что он пнул ногой столик и перевернул его вместе со всем, что на нем стояло.

— Алойзи, опомнись! — сказал Артур.

— Не хочу опомниться! — закричал Алойзи. — Я буду все ломать, мне так нравится. Это я вылил чернила, я распорол подушки, я напустил сажу. Ну, что вы мне сделаете? Ничего! Только попробуйте мне мешать, я сожгу тогда всю вашу казарму, вот!

Мы испугались и побежали на кухню жаловаться пану Кляксе.

От неожиданности он выронил из рук торт.

— Я знал, что Алойзи что-нибудь натворит, — грустно сказал он. — Скверно.. Но оставьте его в покое, мальчики, тут виноват механизм. Алойзи нарочно сделали таким. Это дело рук Филиппа. И тут я бессилен. Понимаете? Бес-си-лен!

Наступило длительное молчание, после чего пан Клякса продолжал:

— Механизм Алойзи для меня загадка. Это секрет Филиппа. Мы должны быть снисходительны и терпеливы. Ведь, по сути дела, он вас всех превзошел в науках. Это просто чудо! Он выучился уже всему. Он даже умеет говорить по-китайски. Я подозреваю, что он съел мой китайский словарь. Нигде не могу его найти... Идите работать. Я думаю, Алойзи сам образумится, если увидит, что на него не обращают внимания.

Мы ушли из кухни очень огорченные. Анатолий был славным мальчиком и хорошим товарищем, а Алойзи был прямо-таки невыносим. Он издевался над нами, дерзил пану Кляксе, не давал нам спать ночью, вырывал у Матеуша перья из хвоста. Сначала мы старались не обращать на него внимания, но вскоре стали избегать его, так что свободное время он проводил в одиночестве или в обществе Анатоля, которого всегда мучил, бил, щипал.

Алойзи был отвратительным существом, хотя ему нельзя было отказать в способностях.

Надо было на время отвлечь его. Я решил пожертвовать собой для пользы дела и позвал его в парк ловить щеглов.

Алойзи согласился. Мы сорвали несколько сте-

бельков чертополоха для приманки, поставили силки, а сами залегли в кустах.

— Скучно в академии, — разоткровенничался Алойзи. — Дураки вы, что терпите своего пана Кляксу. При первой же возможности я сбегу. Это решено.

Я ничего не ответил, а он продолжал свои признания:

— И зачем пан Клякса научил меня думать? Можно было обойтись без этого. Я знаю, я не похож на вас, хотя на вид ничем не отличаюсь. За это я вас и ненавижу, особенно пана Кляксу. Я еще такого натворю, вот увидишь! Вы меня долго помнить будете!

Он расходился, потом устал, сник, положил голову на руки и неожиданно заснул.

Я потихоньку встал, выпустил попавшего в силки щегла и на цыпочках побежал в академию.

Ребята уже кончали уборку. Комнаты и залы сверкали чистотой так, что приятно было смотреть.

Мы рано поужинали и пошли спать.

Алойзи с нами не было, и никто о нем не вспомнил. Наверно, он решил провести ночь в парке. Я этому ничуть не удивился: ведь его тело не чувствовало холода.

На следующий день мы принарядились в ожидании гостей. Пан Клякса вместо обычного скюртука надел коричневый фрак с зелеными отворотами и молча расхаживал по академии. Он был чуть ниже, чем накануне, но в новом наряде это было почти незаметно.

В десять часов стали съезжаться гости. Весь двор наполнился разными диковинными существами, каких теперь можно увидеть только в кино или театре.

Была поздняя осень, но в саду пригревало солнце. Клумбы и оранжереи неожиданно расцвели.

К крыльцу подъезжали повозки, золоченые кареты, в воздухе парили ковры-самолеты, летающие сундучки. Королевы и принцессы шли в сопровождении придворных и пажей. Все аллеи парка заполнили гномы и карлики; их было не меньше, чем лягушек в тот день, когда пан Клякса осушил пруд. Прибывали персонажи самых известных сказок: Кот в сапогах, Курочка ряба, Глупый медвежонок, Серенький козлик, Гуси-лебеди, Хитрая лиса, Журавль и Цапля, Кузнечик и Муравей. Русалка приехала в стеклянной карете-аквариуме, наполненной водой, а вокруг нее плескались Золотые рыбки.

Со всеми гостями пан Клякса был лично знаком. Даже самые знатные принцы почитали за честь приглашение пана Кляксы. Какое счастье, думал я, быть учеником такого знаменитого человека!

Школьный зал, после того как пан Клякса его расширил, стал таким просторным, что, если бы даже гостей было втрое, а то и вчетверо больше, всем хватило бы места.

Нам было поручено ухаживать за гостями. Мы разносили на подносах и в вазах угощение, приготовленное паном Кляксой. Тут были торты, печенье, шоколад, цветы, цукаты, орехи, пряники, мороженое, варенье, виноград, специальные блюда, приготовленные для гостей из восточных сказок, и даже компот из цветных стеклышек, бабочек и герани.

Гурманов и тонких знатоков мы угощали таблетками для ращения волос, сонными пилюлями и зеленой настойкой.

Лягушонок-Послушонок, сидя у меня за ухом, подсказывал, кого чем угощать.

Когда все гости собрались и заняли места, мы выстроились у стены. Ровно в одиннадцать часов пан Клякса взошел на кафедру. В коричневом фраке, с Матеушем на плече, с развевающимися волосами и множеством новых веснушек на лице он был прекрасен.

В зале наступила тишина.

Пан Клякса откашлялся и начал:

— За долиной, за рекой, между небом и землей, на Луну ведет тропинка, а тропинка — невидимка. С каждым шагом тропка круче, то бежит она по туче, то под радугой-дугой, то по глади голубой. И примерно через месяц всех приводит нас на Месяц. Правый глаз мой там бывал, очень многое видал, и о том, что видел глаз, поведаю, друзья, рассказ...

Поверхность Луны покрыта горами из меди, серебра и железа. Горы пересечены внутри длинными извилистыми коридорами, ведущими в пещеры.

А в пещерах живут обитатели Луны, называемые луннами.

На поверхности Луны царит страшный холод, поэтому лунны никогда не покидают своих пещер. По узким коридорам лунны спускаются в глубь планеты и долбят металлический грунт. Они упорны и трудолюбивы, как муравьи.

Растительности на Луне нет, и нет никаких других существ, кроме луннов.

Тело у луннов состоит из мутной жидкости облачного цвета, покрытой тонкой эластичной кожей, напоминающей желатин. Лунны могут придавать своему телу любые формы.

У каждого лунна есть стеклянный сосуд, в котором он проводит все свое свободное время. Каждый сосуд имеет особую форму, благодаря этому лунны отличаются друг от друга.

Жилища луннов обставлены необычными предметами из меди и железа. Тут круги, квадраты, кубы, тарелки, миски, установленные на треногах или развешанные по стенам.

Огнем лунны не пользуются. Они сами излучают свет. Питаются они зелеными шариками, вырабатываемыми из меди, а переговариваются при помощи звуков, похожих на звон серебряного колокольчика.

Лунны не ходят, как мы, а плавают, как облака. Для работы они используют не инструменты, а лучи, исходящие из них самих.

В южном полушарии Луны, в Большой Серебряной Горе, живет грозный и могущественный повелитель луннов, король Неслук. Это единственный лунн, тело которого имеет определенную форму, и поэтому он не пользуется стеклянным сосудом. Король Неслук очень похож на человека. У него есть руки, ноги, но пока еще нет лица. Его голова представляет собой большой гладкий шар.

У короля Неслуха есть длинный узкий меч. Этим мечом он пронзает провинившихся подданных.

Однажды король Неслук нарушил обычай своего народа и вышел на поверхность Серебряной Горы. Тогда-то и случилось событие, которое никто не в силах был предвидеть... — Тут пан Клякса вдруг прервал рассказ и насторожился.

Тревога пана Кляксы мгновенно передалась всем остальным. Из парка донесся крик, треск ветвей, звон разбиваемого стекла. Там творилось что-то неладное.

Шум быстро приближался. Вдруг двери с треском распахнулись, и на пороге возник Алойзи.

Растрепанный, грязный, он в ярости размахивал толстой суковатой палкой.

Лицо его перекошилось от бешенства.

— Так вот вы где, пан Клякса! — закричал он таким голосом, что у меня мурашки по коже забегали. — Пируете без меня? А?! Меня, значит, отравили щеглов кормить, а сами сказочки рассказываете? Чтоб духу вашего тут не было!.. — При этом он замахнулся палкой на гостей.

Пан Клякса нервно теребил бровь.

Не удерживаемый никем, Алойзи подскочил к пиршественному столу и что есть силы ударил по нему палкой. Раздался треск. Осколки стекла, фарфора, фаянса вместе с вареньем и кремом брызнули прямо в лицо сидящим поблизости гостям.

Анатоль пытался удержать Алойзи, но одним ударом кулака был опрокинут на пол.

В зале поднялся страшный переполох.

Одна королева и две юные принцессы упали в обморок, остальные гости вскочили с мест и бросились кто в дверь, кто в окно.

Пан Клякса с ужасом глядел на Алойзи, он не мог выговорить ни слова и только стал чуточку ниже ростом.

— Эй вы, господа и дамы! — не унимался Алойзи. — Пошевеливайтесь! Ах ты, Гадкий утенок, ну-ка улепетывай, пока цел! А тебе, Муравей-музыкант, особое приглашение нужно, что ли? Ну, живо! Теперь я командую! Ха-ха-ха!

Вдруг из толпы взволнованных гостей вышла высокая красивая дама с гордой осанкой. Она приблизилась к Алойзи и сказала грозно:

— Я Повелительница кукол! Приказываю тебе убраться отсюда!

Но Алойзи ведь не был обычной куклой, и Повелительница кукол не имела над ним власти. Он рассмеялся прямо ей в лицо, повернулся спиной и, расталкивая гостей, закричал:

— Это еще не все, пан Клякса! Я всю академию в щепки разнесу! Соображаете? В щепки!

Альфред был не в силах вынести эту сцену и расплакался.

Ребята стояли, как громом пораженные, во все глаза глядя на пана Кляксу. Я дрожал от обиды и негодования.

Зал постепенно опустел.

Со двора доносился грохот отъезжающих экипажей. Упавшую в обморок королеву пажи вынесли на руках.

Мы остались одни с паном Кляксой. Он стоял все так же, не меняя позы, и глядел в одну точку.

Зал снова уменьшился и стал таким, как прежде. Небо заволокло тучами, пошел мелкий осенний дождь.

Алойзи с нескрываемым торжеством развалился в кресле напротив пана Кляксы и вызывающе засвистел.

Наконец пан Клякса очнулся, оглядел пустой зал, посмотрел на нас, все еще неподвижно стоявших у стены, потом на Алойзи и сказал как ни в чем не бывало:

— Жаль, мальчики, что я не закончил сказку про лунных жителей. Придется отложить ее до следующей книжки. Жаль. Кажется, пора обедать. Правда, Матеуш?

— Авда, авда! — воскликнул Матеуш и полетел в столовую.

Пан Клякса прошел мимо Алойзи, не обращая на него внимания, поднялся в воздух и улетел вслед за Матеушем, придерживая руками развевающиеся полы коричневого фрака.

Вот какой это был благородный человек.

Тайны пана Кляксы

Когда полгода назад я начал вести дневник, мне и в голову не приходило, что он займет столько места и что я расскажу о стольких удивительных событиях.

Особенно много происшествий было в последние дни. Мне даже трудно упорядочить их в памяти.

Самое главное то, что с паном Кляксой творилось что-то неладное.

У него испортился увеличительный насос. Это отразилось на росте пана Кляксы: с каждым днем он уменьшался. Оттого он становился все мрачнее и рассеяней, задумывался в самое неподходящее время. Однажды он задумался, въезжая наверх, и несколько часов подряд просидел верхом на перилах между двумя этажами. В другой раз, летая над столом с лейкой в руках, он погрузился в глубокое раздумье, свалился в тарелку с бараниной и, не заметив этого, пролежал там почти до самого вечера.

И все-таки главным было то, что рост пана Кляксы шел на убыль. Даже самый маленький из нас, Альфред, был выше его на целую голову.

— Вот увидите, пройдет месяц, и пана Кляксы совсем не станет! — издевался Алойзи.

Последнее время Алойзи творил в академии нечто невообразимое. После скандала со сказками он совсем распоясался. Никто не был в силах с ним справиться, а пан Клякса смотрел на все сквозь пальцы.

Алойзи вставал когда хотел, прогуливал уроки, рисовал пана Кляксу в карикатурном виде на сонных зеркальцах, без разрешения приходил на кухню, бросал в кастрюли лягушек и тараканов, про-

калывал воздушные шары и ко всем приставал. Мы ненавидели его и отдыхали только тогда, когда он спал или уходил из дому.

Пан Клякса все позволял ему, словно чего-то боялся. И, по мере того как росло нахальство Алойзи, слабели воля и сила пана Кляксы. Он все реже появлялся на кухне, забывал готовить обе-ды, не заботился о веснушках и даже перестал принимать таблетки для ращения волос, так что вскоре облысел.

Перемена произошла не только с паном Кляк-сой, но и со всей академией. Потолки опустились, мебель стала невзрачной, кровати — короче. Парк, напоминавший когда-то джунгли, заметно поредел. Могучие дубы и вязы превратились в мелкие, хи-лые деревца.

Перемена эта произошла, разумеется, не сразу, а постепенно. Однако через месяц она стала настоль-ко ощутимой, что мы все почувствовали тревогу и страх.

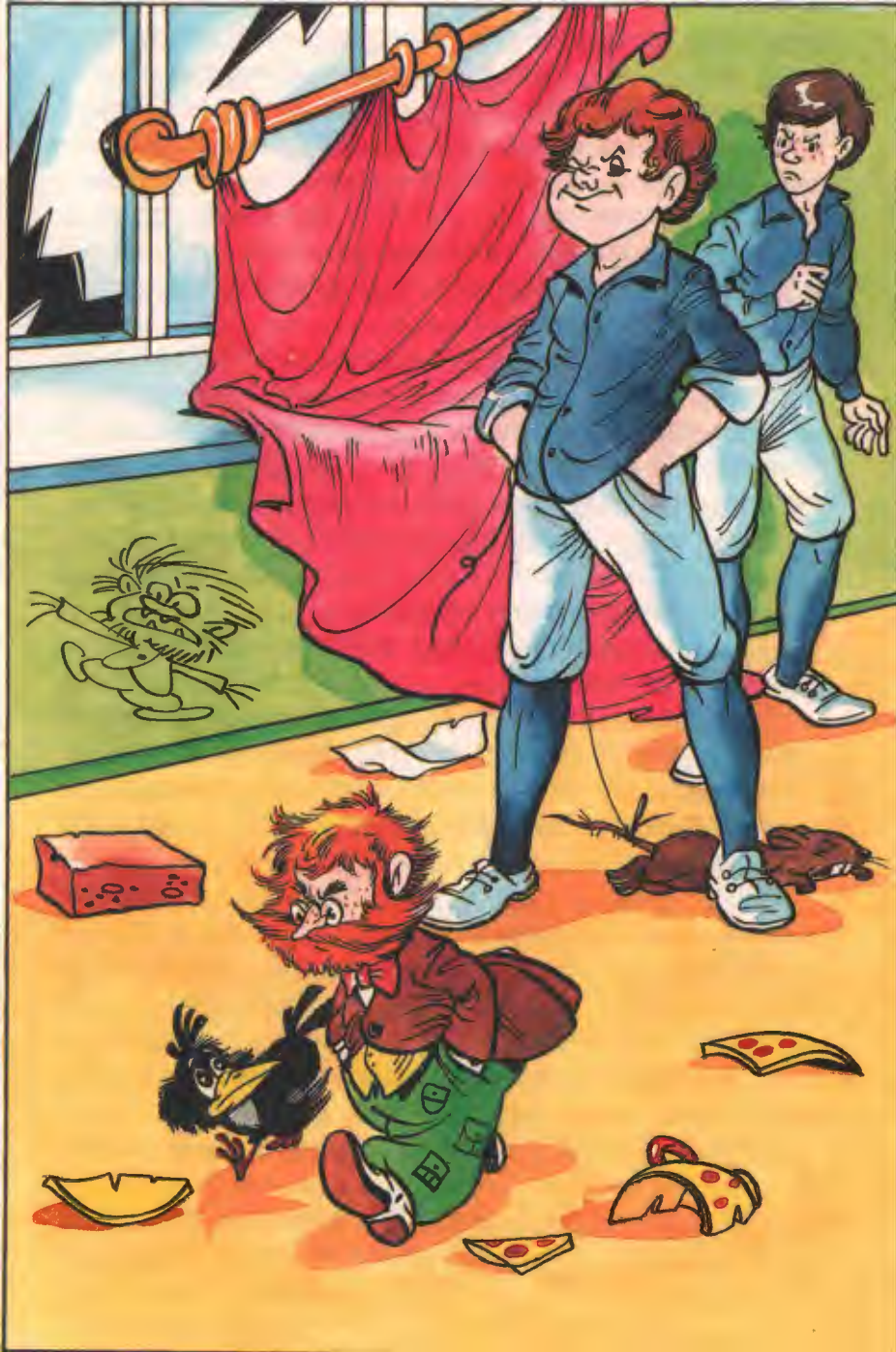
Только Алойзи не утратил бодрости. Он распе-вал во все горло, свистел, хлопал дверьми, бил стекла витражей, дразнил Матеуша и никому не давал проходу.

Пан Клякса молча наблюдал за ним, почесывал лысину и забывал по утрам пить зеленую настойку.

Мы понимали, что академии приходит конец.

В канун Нового года пан Клякса собрал нас в школьном зале и сказал дрожащим от волнения голосом:

— Дорогие мальчики, вы не могли не заметить, что делается вокруг. Вы видите, конечно, как ужас-но я изменился. Мне приходится вставать на стул, чтобы вы меня видели из-за кафедры. Но умень-шился не я один. Все вокруг уменьшилось. И вы,

конечно, догадываетесь, в чем дело. Да, да, друзья мои, сказка про мою академию подходит к концу. Готовьтесь к этому! Скоро академия совсем исчезнет, и от меня тоже ничего не останется. Горько мне расставаться с вами. Мы провели вместе почти целый год, нам бывало весело и интересно, но ведь всему когда-нибудь приходит конец.

— Что же с нами будет, пан профессор? — спросил Анастаси, чуть не плача.

— Милый Анастаси, — сказал пан Клякса, — у каждого из вас есть свой дом. Сегодня в полночь обязательно открой ворота, а ключ брось в речку. Я специально для этого вырубил у берега прорубь. На этом кончится сказка про академию пана Кляксы.

Всем стало очень грустно. Мы окружили пана Кляксу, целовали ему руки, которые были похожи на ручки пятилетнего ребенка.

Пан Клякса обнимал нас, тряс лысой головкой и украдкой утирал слезы.

Это была очень трогательная картина. Я никогда ее не забуду. Наступил вечер. Начался снегопад. Серебряные снежинки ложились на подоконник.

Пан Клякса открыл форточку, поглядел на небо и сказал:

— Не надо грустить, мальчики. Я приготовил вам сюрприз. Пойдемте наверх.

Легко, как перышко, въехал он по перилам на третий этаж, а мы, перескакивая через несколько ступенек, поспешили за ним. Там пан Клякса достал связку ключей и открыл все двери. Мы вошли в какое-то темное помещение.

Пан Клякса торжественно достал из несгораемого кармана свечные огоньки.

Стало светло как днем. Мы стояли в огромном зале, где посредине высилась великолепная елка,

вспыхнувшая внезапно сотнями огней. Она была украшена игрушками небывалой красоты. Вокруг нее тянулись золотые цепочки и серебряные нити. Вся она была посыпана хлопьями искусственного снега. Рядом с елкой стоял празднично накрытый стол.

Мы шумно расселись.

Приглядевшись, я понял, что мы находимся в том самом помещении, где когда-то была лечебница больных вещей. Здесь были столы, стулья, табуретки, часы, вылеченные паном Кляксой.

Пан Клякса вопреки своему обыкновению поужинал вместе с нами.

После ужина мы столпились у елки, и пан Клякса, нарядившись Дедом Морозом, раздавал нам новогодние подарки.

Когда подошла очередь Алойзи, оказалось, что его среди нас нет. Тут мы вспомнили, что не было его и за ужином.

Пан Клякса забеспокоился.

— Где Алойзи? Что с ним? Матеуш, найди его немедленно!

Анатоль, испуганный, вскочил со стула.

— Пан профессор! — закричал он. — Я знаю, где он! Я просил его, умолял не делать этого! Он меня не слушал.

Пан Клякса подбежал к Анатолю, бледный как полотно, и вцепился ему в плечо:

— Говори, говори!.. Где Алойзи?!

— Он в комнате тайн, пан профессор, — пролепетал испуганный Анатоль и упал без чувств.

Я невольно взглянул на потолок. Наверху раздавались чьи-то шаги.

Пан Клякса одним прыжком достиг окна, открыл форточку и выскочил на улицу.

Мы были в ужасе. Никто из нас никогда не решился бы посягнуть на тайны пана Кляксы. Мы знали, чем это грозит. По меньшей мере исключением из академии. Решиться на такой поступок мы не могли хотя бы потому, что очень любили и уважали пана Кляксу. На это был способен только Алойзи, эта ненавистная нам, наглая, самоуверенная и зазнававшаяся кукла.

Мы с тревогой ждали, что будет дальше.

Вдруг дверь распахнулась, на пороге появился Алойзи. Он был весь в саже и в руках держал маленькую шкатулку из черного дерева.

— Вот! Тайны пана Кляксы! — крикнул он. — Не угодно ли взглянуть? Тайны! Ха-ха-ха!

Он опрокинул шкатулку над столом, и оттуда посыпались тоненькие фарфоровые таблички, inscribed мелкими иероглифами. Конечно, мы не могли знать, что там написано. Никто из нас не знал китайского языка. Мы были ошеломлены неприглядным видом Алойзи и его дерзостью.

— Один я читаю по-китайски! — воскликнул хвастливо Алойзи. — Один я могу открыть тайны пана Кляксы. Сейчас мы узнаем, кто этот напыщенный болван! Ха-ха-ха!

Вдруг в форточке показалось бледное, искаженное гневом лицо пана Кляксы. Он влетел в комнату. За эти несколько минут он стал почти вдвое меньше. Его можно было принять за трехлетнего мальчика.

Алойзи, сообразив, что ему не удастся прочесть, что написано на табличках, одним движением сбросил их на пол и стал топтать ногами, так что от них остались одни осколки.

Никто не успел ему помешать.

— Ты уничтожил мои тайны, Алойзи, — раздался

вдруг спокойный, но суровый голос пана Кляксы, — а я уничтожу тебя.

Сказав это, он приставил увеличительный насос к уху, принял несколько таблеток для ращения волос и мгновенно превратился в прежнего, большого и красивого пана Кляксу.

Храбрость покинула Алойзи.

Пан Клякса достал из шкафа большой кожаный чемодан, поставил его на стол и открыл. Затем он поднял Алойзи и посадил рядом с чемоданом.

Мы следили за происходящим затаив дыхание. Сначала пан Клякса отвинтил правую руку Алойзи и бросил ее в чемодан. Потом отвинтил вторую, потом обе ноги. На столе остались лишь туловище да голова.

Алойзи молчал и с ужасом следил за действиями пана Кляксы.

Пан Клякса взял двумя пальцами голову Алойзи и повернул влево. Винт легко подался, и голова Алойзи отделилась от туловища. Тогда пан Клякса отвинтил темя и высыпал содержимое головы в чемодан. Там были буквы, пластинки, стеклянные трубочки, множество колесиков и пружин.

Потом пан Клякса разобрал по частям туловище Алойзи, все части сложил в чемодан и опустил крышку.

Мы с облегчением вздохнули: Алойзи, эта мерзкая карикатура на человека, перестал существовать.

У одного Анатоля были слезы на глазах.

— Боже мой! — шептал он. — Боже мой! Что я скажу Филиппу? Ведь он велел мне беречь Алойзи. Такая красивая кукла!.. Такая красивая!..

Тем временем пан Клякса снова уменьшился и, повернувшись к нам, сказал:

— Не огорчайтесь, мальчики. Я знал, что так

окончится наша сказка. Алойзи уничтожил все мои тайны. Теперь я не смогу больше готовить обеды из цветных стеклышек, летать по воздуху, угадывать чужие мысли, увеличивать предметы, лечить больные вещи. Я потерял волшебную силу, которой славился во всех сказках... Да уж ладно! Главное — не унывать!.. Давайте лучше споем на прощанье новогоднюю песню...

Но не успел пан Клякса открыть рот, как дверь отворилась, и вошел парикмахер Филипп. Шуба и шапка его были в снегу.

— Что это вы не отворяете ворота? Оглохли, что ли? — закричал он, багровея от злости. — Пришлось лезть через забор. Идиоты! Надоела мне ваша академия! Анатолий, собирайся домой. Где Алойзи?

Анатолий робко приблизился к Филиппу.

— Алойзи... Алойзи... там, в чемодане, — пролепетал он.

Филипп кинулся к чемодану, открыл его и в ужасе отшатнулся.

— Так вот оно что, пан Клякса! — прошипел он сквозь зубы. — Вот вы как выполняете свои обещания? Двадцать лет я работал над этой куклой. Я приносил вам веснушки, цветные стеклышки, отдавал все состояние, чтобы вы могли открыть эту проклятую академию. А чем вы отплатили мне? Я думал, вы сделаете Алойзи человеком, а вы что сделали? Уничтожили труд всей моей жизни! Нет, это вам даром не пройдет! Я вам отомщу! Вы еще не знаете, на что способен Филипп в ярости! Вы не знаете!

Тут он вынул из кармана бритву, раскрыл ее и подбежал к елке.

Пан Клякса молчал, только снова чуть уменьшился.

Филипп срезал с елки все свечи и рассовал по карманам шубы. В зале наступила темнота. Что случилось дальше, я не знаю. В ужасе я выскочил в коридор, скатился по лестнице вниз и выбежал во двор.

Стояла морозная декабрьская ночь. При свете луны и сверкающей белизне снега вся академия, ограда и парк были как на ладони.

Мимо меня пробежал Анастаси, и я услышал звук открываемого замка. Анастаси открыл ворота, и, как сквозь сон, я видел пробежавших мимо товарищей.

Я хотел крикнуть им: «До свиданья, ребята!», но слова застряли в горле.

Прощание со сказкой

Луна светила мне прямо в глаза, и все вокруг тонуло в ее таинственном сиянии.

Я опустился на скамейку и почувствовал страшную усталость. Я крепился изо всех сил, чтоб не уснуть.

И вот я стал свидетелем странного события: академия, которая уже не была прежним высоким красивым зданием, а была вполовину меньше, стала уменьшаться у меня на глазах. То же происходило с парком и окружающей его оградой.

У меня помутилось в глазах, зашумело в голове. Академия беспрерывно уменьшалась.

Когда она стала не больше обыкновенного шкафа, из дверей выскочила маленькая человеческая фигурка и приблизилась ко мне. Это был пан Клякса. Такой же маленький, каким я его видел когда-то в стакане.

Тем временем небо надо мной опустилось и стало похоже на потолок, а луна превратилась в лампочку.

Стена, окружавшая академию, настолько приблизилась, что я отчетливо различал дверцы, ведущие в соседние сказки.

Время бежало быстро, и все вокруг продолжало уменьшаться. Веки мои слипались, меня охватывала дремота.

Когда я снова открыл глаза, превращения подходили к концу.

Я находился в комнате, освещенной сверху большим шарообразным абажуром. Академия превратилась в клетку, где сидел погруженный в раздумье Матеуш. Вместо парка я увидел прекрасный зеленый ковер с вытканными на нем деревьями, зарослями кустарника, цветами. Ограда превратилась в книжные полки, а дверцы — в корешки книг с тисненными золотом названиями. Тут были все сказки Андерсена и братьев Гримм, сказки о Щелкунчике, о Рыбаке и Рыбке, сказка про Серого волка, про Белоснежку и Семь гномов и много-много других.

Я сидел на диване, а рядом на полу стоял пан Клякса. Он был ростом с мизинец. Его руки и ноги невозможно было различить, и только лысая головка поблескивала при свете лампы.

Я осторожно взял его двумя пальцами и поставил на ладонь. Едва слышным голосом пан Клякса пропищал:

— Прощай, Адашь. Пора нам расстаться. Ты славный и добрый мальчик. Желаю тебе удачи в жизни. Кто знает, может быть, мы еще встретимся в какой-нибудь другой сказке.

После этого он уменьшился еще вдвое.

Он стал меньше сливы, почти как лесной орешек.
И вдруг случилось чудо!

Существо ростом с орешек перестало быть паном Кляксой и превратилось в пуговицу. Обыкновенную костяную пуговицу розового цвета.

Матеуш, казалось, только этого и ждал.

Он выскочил из клетки, сел ко мне на плечо, потом спрыгнул на ладонь, схватил в клюв пуговицу и опустил ее с ней на пол.

Вы, наверно, уже догадались, что это была пуговица с шапки богдыханов, волшебная пуговица доктора Пай Хи-во, которая должна была превратить Матеуша в принца. А не приходило ли вам раньше в голову, что пан Клякса был той самой пуговицей, которую доктор Пай Хи-во превратил в человека?

Что касается меня, то я об этом догадался только после чудесного превращения Матеуша. Он вдруг стал расти. Его крылья превратились в руки, ноги удлинились, вместо клюва появилось человеческое лицо.

Матеуш менялся на глазах. Через несколько секунд он стал выше меня. Прежде чем я сообразил, что произошло, передо мной стоял высокий человек средних лет, с волосами, тронутыми сединой.

Я низко поклонился и сказал:

— Рад первым поздравить ваше высочество с успешным превращением. Желаю вам поскорей занять трон вашего отца.

Я говорил не совсем складно, но ведь у меня не было времени придумать что-нибудь более путное. Матеуш в облике человека внимательно выслушал меня, потом вдруг от души расхохотался и, погладив меня по лицу, сказал:

— Дорогой мальчик! Никакой я не принц. Про-

сто я рассказывал тебе сказку, а ты в нее поверил. Историю про короля волков я придумал.

— Ну, а король? А принц? А доктор Пай Хиво? — спросил я удивленно.

— Сказка остается сказкой, мой мальчик, — ответил он с улыбкой.

— Кто же ты такой, Матеуш? И что все это значит? — спросил я, совершенно сбитый с толку.

— Я автор книги про пана Кляксу, — ответил человек. — Я написал эту повесть, потому что люблю всякие фантастические истории и сам очень радуюсь, когда пишу их.

С этими словами он взял со стола книгу, закрыл ее и поставил на полку рядом с другими.

На корешке книги я увидел надпись:

Академия пана Кляксы.

Для младшего школьного возраста

Ян БЖЕХВА

АКАДЕМИЯ ПАНА КЛЯКСЫ

Художник А. Шахгелдян

Художественно-технический редактор Н. Ганина

Компьютерная верстка Ю. Беспровозанный

Корректор Е. Родишевская

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.08.97. Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 7,5. Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 25 000 экз. Заказ № 1327. С 022.

Издательство «Стрекоза». 125047, г. Москва, ул. Чайнова, 20

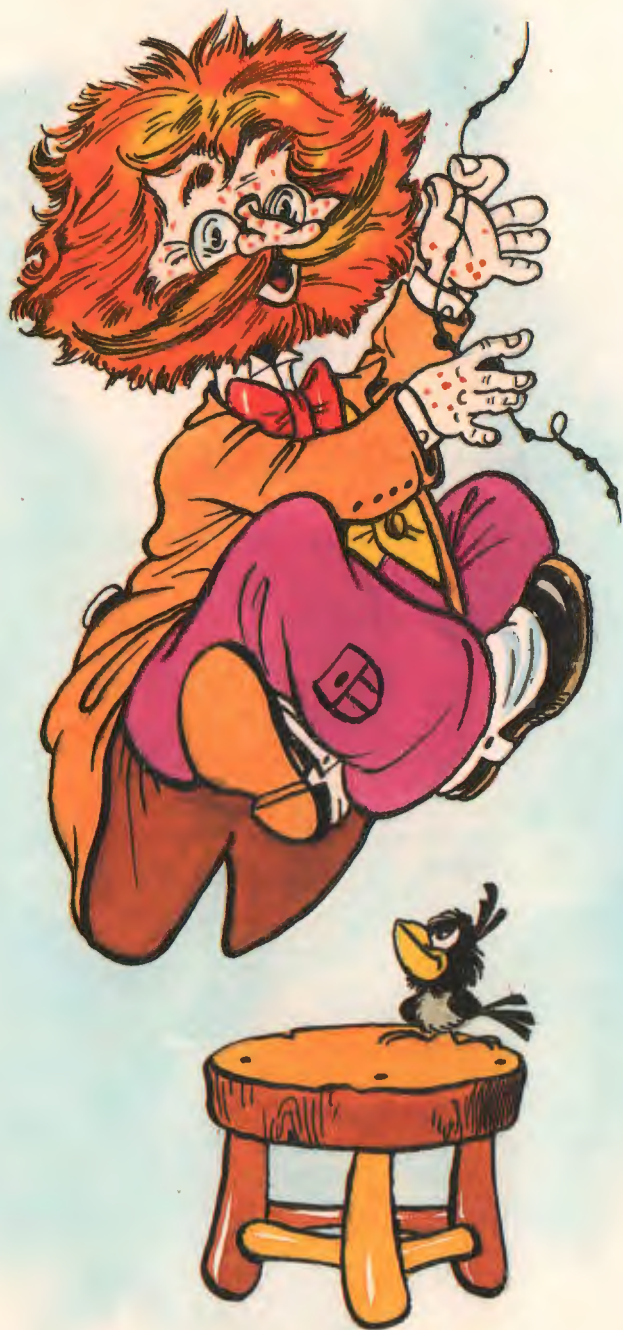
(ЛР № 064971 от 3.02.97).

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Государственного комитета Российской Федерации по печати.

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефон для реализации: (095) 268-25-44, (0872) 41-06-37

Пан Клякса откашлялся и начал:
— За долиной, за рекой, между небом
и землей, на Луну ведет тропинка,
а тропинка — невидимка. С каждым шагом
тропка круче, то бежит она по туче,
то под радугой-дугой, то по глади голубой.
И примерно через месяц всех приводит нас
на Месяц. Правый глаз мой там бывал,
очень многое видал, и о том, что видел глаз,
поведу, друзья, рассказ...

